МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Правовая природа владения и владельческая защита

Обучающийся

Н.А. Скороходов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

к.ю.н., доцент А.В. Кирсанова

руководитель

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие и юридическая сущность владения	9
1.1 Этапы становления и развития института владения	9
1.2 Понятие и правовая природа владения	16
1.3 Приобретение и прекращение владения	23
Глава 2 Владельческая защита как способ охраны имущественных прав ...	31
2.1 Общая характеристика форм владельческой защиты	31
2.2 Самозащита владения	39
2.3 Посессорный иск как способ охраны имущественных прав	50
Глава 3 Средства владельческой защиты	61
3.1 Добросовестное владение и приобретение как средства владельческой защиты	61
3.2 Виндикационный иск	70
3.3 Кондикционный иск	85
3.4 Иск о реституции	92
Заключение	102
Список используемой литературы и используемых источников	105

Введение

Основанием для выполнения работы послужил существующий в российском праве пробел в политико-правовом регулировании владения с одной стороны и вместе с тем признание этого факта со стороны правоприменительной практики и соответственно возможности правовой защиты владельческих отношений в судебном порядке.

Так, действующее законодательство Российской Федерации не содержит норм о владении и владельческой защите, что следует признать одним из серьезных недостатков Гражданского кодекса Российской Федерации.

С другой стороны, современный гражданский оборот в целях защиты владения применяет различные способы и средства защиты, реализуя тем самым правомочие владельца на защиту. Владение и право на владельческую защиту признаются судебной практикой, например, совместным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 № 10, Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [37]. Также вопросы владения составляют предмет исследования многих крупных отечественных ученых-правоведов. Имена будут нами перечислены ниже.

Таким образом, актуальность исследовательской работы обосновывается недостатком правового регулирования владения на законодательном уровне и признанием владения и права на владельческую защиту за субъектами гражданских правоотношений со стороны судебной практики и юридической науки.

Владельческая защита является институтом, известным многим правовым системам. Существовала она и в российском дореволюционном праве, была предусмотрена и проектом Гражданского уложения.

Назначение владельческой защиты - это борьба с насильственными, самоуправными действиями. Введение владельческой защиты существенно укрепит надежность оборота и создаст эффективные юридические средства против захвата чужого имущества.

Учение о владении имеет статус одной из сложных проблем гражданского права. Как писал И.А. Покровский «в институте защиты владения дело идет не о собственности и вообще не о таком или ином имущественном праве, а о начале гораздо более высоком и идеальном – о насаждении уважения к человеческой мысли как таковой» [27, с. 228].

Владение, при первом знакомстве, может показаться весьма заурядной и обыденной темой, где с одной стороны посессор, а с другой вещь, которая находится во владении посессора. Посессору предоставлено право на защиту владения. Все на первый взгляд просто.

Именно в таком ключе студенты юридических вузов узнают о владении и владельческой защите на первом курсе в рамках изучения предмета римского частного права и несколько страниц в учебнике Гражданское право. И на этом изучение владения студентами заканчивается. Между тем, владение тема неординарная, затягивающая в себя по спирали исследователя. Поэтому, не случайно, что до революции многие известные правоведы уделяли большое внимание владению и владельческой защите. Доказательством тому служит наличие обширных трудов по рассматриваемой теме, которые стали классикой российской цивилистики. Отдельно хочется заметить, что отдел о владении проекта книги третьей Гражданского уложения Российской Империи вызвал жаркие споры в юридическом сообществе.

Нарушенные гражданские права подлежат защите в судебном порядке или в установленном законом случаях в административном порядке, ст.11 Гражданского кодекса Российской Федерации [6].

Ст.209 Гражданского кодекса Российской Федерации говорит о праве владения, но в качестве составляющей триады права собственности. В иных нормах Гражданского кодекса Российской Федерации право владения не упоминается [6].

Еще одним важным моментом является тот факт, что только посредством признания права владения как самостоятельного института гражданского права России можно считать конституционный принцип о защите права каждого гражданина действующим.

Объектом исследования выступают общественные правоотношения возникающие в связи с владением и защитой владельцем владения от правопритязания третьих лиц.

Предметом исследования являются нормы российского права; положения отечественных и иностранных доктринальных исследований по заявленной теме исследования; правовые позиции, отраженные в судебно-арбитражной практике; нормы права в определенной сфере правового регулирования.

Цель исследования состоит в исследовании института владения и его защиты, а также в комплексном анализе института владения и его защиты, в выявлении основных проблем правовой регламентации защиты владения в гражданском праве.

Поставленная цель достигалась путем решения следующих задач:

- выявить процесс зарождения права владения как института гражданского права;
- определить сущностные признаки права владения;
- провести анализ развития права владения в отечественном законодательстве, его роли и значения для современного российского гражданского оборота;
- выявить способы приобретения и прекращения права владения в российском праве;

- определить состояние и возможные пути направления совершенствования законодательства в области права владения и его защиты;
- исследовать способы защиты гражданских прав с целью выявления возможности их применения владельцем для охраны его имущественных интересов;
- проанализировать возможность владельческой защиты путем предъявления исков как вещного, так и обязательственного характера.

Гипотеза исследования: в гражданском праве России владение сформировалось как фактическое отношение владельца к вещи и защищается со стороны владельца различными способами защиты, включая в себя иски вещно-правового и обязательственного характера, а также самозащиту.

Положения, выносимые на защиту в рамках настоящей работы:

- современный гражданский оборот и российская судебная практика определили правовое положение владения как фактическое отношение лица к объекту права;
- для возникновения права владения, в соответствии с действующим законодательством, требуется одновременно наличие воли на владение вещью так и непосредственная передача вещи новому владельцу;
- в отсутствие в российском праве специальной владельческой защиты она осуществляется со стороны владельца различными способами защиты, включая в себя иски вещно-правового и обязательственного характера, а также в форме самозащиты;

Нормативно-правовую основу исследования составили: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об исполнительном

производстве» от 02.10.2007 №229-ФЗ, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ.

Теоретическую основу исследования составляют труды Ю.С. Гамбарова, Д.В. Дождева, Р. фон Иеринг, Д.И. Мейера, И.А. Покровского, С.А. Сеницына, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Ю.К. Толстого, И.Н. Трепицына, Б.Б. Черпахина.

Методологическая и теоретическая основы диссертационного исследования. В основу исследования положен диалектический метод познания социальных явлений и органично связанные с ним общенаучные и частные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, функциональный, системный и другие. Автором использовались категории общего, единичного и особенного. Многие выводы и положения, содержащиеся в диссертации, основываются на философских законах единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные.

Научная новизна исследования состоит в том что:

- раскрыто правовое положение владения как фактического отношения лица к объекту права;
- доказано возникновение права владения после фактической передачи будущему владельцу вещи;
- установлено, действующий правопорядок размывает границы посессорной и петиторной защиты, сводя спор между владельцем и собственником к спору о праве;
- аргументирована возможность владельческой защиты путем применения владельцем самозащиты;
- обосновано, что владельческая защита возможна путем предъявления как исков вещного, так и обязательственного характера;

- предложены способы совершенствования действующего законодательства путем внесения в него дополнений норм права о владении и владельческой защиты.
- сформулированные в работе предложения по совершенствованию гражданского законодательства могут быть использованы в правотворческой деятельности при разработке проектов новых и совершенствовании действующих нормативных актов.

Практические выводы, сделанные в диссертации, могут применяться при разрешении конкретных судебных споров судами общей юрисдикции или арбитражными судами.

Апробация и внедрение результатов работы велись в течение всего исследования. Автором опубликована статья «Понятие и юридическая сущность владения» в международном научном журнале «Молодой ученый».

Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, содержит список использованной литературы (71 источник). Основной текст работы изложен на 93 страницах.

Глава 1 Понятие и юридическая сущность владения

1.1 Этапы становления и развития института владения

Настоящая работа посвящена институту владения и владельческой защите. Однако, раздел или параграф, регулирующий право владения мы в Гражданском кодексе Российской Федерации, именуемый далее Гражданский кодекс РФ, не найдем. Действующее гражданское законодательство имеет отдельные разобщенные нормы, например ст.ст. 222, 234 Гражданского кодекса РФ, которые используют такие правовые дефиниции как владение; лицо, ссылающееся на давность владения; лицо, не являющееся собственником, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ, в рамках регулирования своего круга правоотношений использует наряду с понятием собственник понятие владелец [64]. Причем владелец не тождествен и не является синонимом собственнику. Названные правовые категории по своему значению явственно тяготеют к тому, чтобы их включили и отнесли в группу общественных отношений, регулирующих владение. Значит, присутствие указанных категорий в нормативных актах позволяет прийти к мнению, что наличие владельческих правоотношений в отечественном праве, признается со стороны государства, но отсутствие надлежащей проработанной нормативной базы является большим упущением со стороны законодателя. В отсутствии нормативно-правовой базы субъекты гражданского оборота, по традиции вынуждены восполнять правовые пробелы с помощью судебной практики.

Как известно, в основе нашего отечественного гражданско-правового учения лежит цивилистическая мысль юристов Древнего Рима, прежде всего его классического периода, относящегося к праву Юстиниана. И.С. Перетерский отмечал «Римское частное право оказало могущественное

влияние на все дальнейшее развитие законодательства и правовых учений общества» [53 с. 1].

Павел в 54-й книге «Комментариев к эдикту» пишет, что «владение (possessio) названо, как и Лабейон говорит, от «оседлых мест» (a sedibus), как бы расположение (positio), которое греки называют «обитанием», так как его естественным образом удерживает тот, кто там разместился» [12 D. 41. 2. 1.].

В правовой доктрине принято выделять два элемента владения: субъективный – *animus possidendi* - воля владельца владеть вещью, для себя, на себя и объективный - *corpus possessionis* – реальное господство над предметом владения» [53 с. 181]. Определение наличия элементов владения необходимо для того, чтобы возможно было квалифицировать возникшие отношения как владельческие.

Так как владение включает в себя два элемента, то сформировалось три правовых теории на возникновение владения.

Первая теория. Для нее характерно выдвижение на первый план воли. Воля на владение вещью означает фактическое владение.

Вторая теория. Она выдвигает на первый план непосредственное обладание имуществом. Если нет фактической связи с телесной вещью, то лицо не признается владельцем.

Третья теория. Согласно данной теории воля и фактическое обладание телесной вещью имеют равное правовое значение в квалификации отношения как владения.

Мы исходим из того, что определяющими элементами владения в равной степени будут являться воля лица и фактическое нахождение вещи во власти лица. В соответствии с ч.3 ст.227 Гражданского кодекса РФ лицо, нашедшее вещь, вправе хранить ее у себя или сдать в компетентные органы [6]. И так если вещь остается у лица нашедшего вещь, значит, его детерминированное и мотивированное желание было сделаться владельцем

находки. При этом, одной воли не бывает достаточным, чтобы стать владельцем, для этого могут быть установлены законодательные запреты.

Так, в соответствии с ч.2. ст.129 Гражданского кодекса РФ законом могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота [6], так называемые изъятые из оборота вещи.

Воля формируется посредством психики. Однако такие субъекты гражданского оборота как юридические лица не наделены психикой. В этом случае воля на владение вещью будет формироваться через его органы управления [21]. При этом, воля лица проявляется в волеизъявлении. Обратимся снова к лицу, нашедшему вещь. Если указанное лицо не желает становиться владельцем найденной вещи, то он сдает ее в компетентные органы. Получается, что в непосредственном обладании имуществом, будет проявляться действительная воля лица на владение вещью.

Между тем, специфика восприятия римским правом волевого элемента владения породила развитие различных доктринальных учений.

«Так, с точки зрения Ф.К. фон Савиньи, владение являлось соединением двух фактов – физической власти над вещью и намерением обладать ею в смысле скорее фактическом, чем юридическом, то есть намерением иметь возможность использовать ее без ограничений во времени, исключительно ради собственной выгоды (*animus domini*). Если у вас была такая власть и такое намерение, у вас было и владение» [26 с. 217].

Р. фон Иеринг находил что «владение – это фактическое проявление, видимость собственности. При обычном ходе событий огромное большинство владельцев является одновременно собственниками обладаемой вещью. При защите фактического владения не обсуждается вопрос о праве, поэтому приходится мириться с отдельными случаями защиты владеющего несобственника от притязаний невладеющего собственника» [16 с. 38].

Вернемся к определению владения данному Ф.К. фон Савиньи, которое, напомним, он определяет как физическая власть над вещью и намерением обладать ею фактически. Из данного определения можно усмотреть несколько следствий. Первое, о чем говорит Ф.К. фон Савиньи - это власть. Власть предполагает господство. Подчинение одной воли другой. Следовательно, такой специфический признак владения как власть, отличает владение от пользования. Пользование может быть совместным, однако владение таковым быть не может [26].

Следующее следствие из определения Ф.К. фон Савиньи заключается в необходимости в фактическом обладании вещью [26]. С данным тезисом трудно согласиться. По утверждению Ф.К. фон Савиньи собственник домовладения, оставивший его, скажем на время своего отдыха в другой местности, перестает быть владельцем, поскольку не может больше осуществлять постоянный контроль над вещью. Однако, собственник по-прежнему имеет волю владеть домовладением, а через это проявляется власть и господство над домовладением. Значит, второй признак Ф.К. фон Савиньи о фактическом обладании вещью не согласуется с первым. Кроме того, в современных условиях возможны различные способы контроля над вещью, в том числе и дистанционно.

В целом из определения Ф.К. фон Савиньи мы можем заключить, что владение есть категория активная, без усилий и стараний со стороны владельца владение не возникнет в отличие от права собственности, которое может возникнуть и при пассивном поведении лица [26]. Вещь может быть подарена лицу или достаться в порядке наследования.

Ю.К. Толстой в своей статье «Понятие права собственности» определил владение как «юридически обеспеченную возможность хозяйственного господства лица над вещью» [59 с. 187].

Так, имущество может быть предоставлено арендатору во временное владение и пользование в силу ст. 606 Гражданского кодекса РФ, согласно

этой же норме имущество может быть предоставлено исключительно во временное пользование [6]. Очевидна разница. В первом случае собственник переносит владение на арендатора, так как утрачивает физическую власть над объектом, а потому сам перестает быть владельцем, но оставаясь собственником своей вещи. Происходит своеобразное разделение субъектов права. Во втором случае собственник остается владельцем, так как арендатор не получает власти над вещью.

На развитие института владения большое значение оказывает, прежде всего, политический строй, впрочем, как и на право в целом. В Древнем Риме с его можно сказать неразвитыми экономическими отношениями и рабовладельческим строем правовое регулирование строилось исходя из необходимости защиты господствующего класса (рабовладельцев, землевладельцев). Если рабовладелец покидал свое поместье, то необходимо чтобы в этот период он не утрачивал власти над своим поместьем и своими подвластными. На наш взгляд, именно исходя из необходимости защиты крупных землевладельцев и рабовладельцев, формируется правило, что поместье остается во владении владельца до тех пор, пока в поместье остаются ему подвластные лица.

В дореволюционной России проработке институту владения уделялось большое практическое внимание. Готовился к принятию проект Гражданского уложения Российской империи, посвященный владению. Владение являлось предметом трудов многих цивилистов, например, Д.И. Мейера, И.Н. Трепицына, И.А. Покровского, Д.Д. Гримм и многих других.

Известный русский юрист и ученый Д.И. Мейер полагал, что «владение является предвестником права собственности, так как посредством владения собственник получает тот вес, который дает ему право собственности, вследствие чего право владения приобретает значительное

влияние на юридический быт, независимо от осуществления собственником других правомочий» [22].

В Советской России отсутствовал коммерческий товарооборот, а субъектом в правоотношениях, причем как с управомоченной стороны, так и с обязанной стороны выступало преимущественно само государство. При таком состоянии экономики отсутствует необходимость владельческой защиты, так как считалось, что владелец и нарушитель владения сливаются в одном субъекте – государстве, что впрочем, не всегда соответствовало действительности. В подтверждении данного довода сошлемся на произведение Б.Б. Черепихина «Виндикационные иски в советском праве» [66 с. 171]. В данном научном труде Б.Б. Черепихин подробно анализирует понятие виндикационного иска и приводит примеры из судебной практики, демонстрирующие наличие в советском праве владельческой защиты.

С появлением рыночной экономики в нашей стране кардинально меняется ранее существовавшая система права и соответственно структура правоотношений, но, к сожалению введенная в действие с 1 января 1995 года часть 1 Гражданского кодекса РФ не лишена недостатков. Одним, из которых, как мы уже отмечали, является отсутствие в нем института владения.

Учитывая важность владения для гражданского оборота, положения о владении нашли свое отражение в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009г., именуемая далее по тексту Концепция развития законодательства [18]. Предполагалось, что на основании разработанной и утвержденной Концепции развития законодательства будет реформирован действующий раздел II Гражданского кодекса РФ. В частности данный раздел должен был содержать подраздел 1 Владение [18].

Положения концепции развития о владении вобрала в себя новейший положительный опыт, как правоприменительной практики, так и передовые взгляды научной правовой мысли.

Выделим несколько основных аспектов о владении, нашедших свое отражение в Концепции развития законодательства, поскольку обозначенные взгляды совпадают с положениями нашей работы.

«В соответствии с Концепцией развития законодательства:

- владение следует урегулировать как факт (фактическое отношение);
- необходимо ввести специальную владельческую защиту.

Нарушитель владения не может ссылаться в качестве возражения на то, что ему принадлежит право на вещь. Однако нарушитель имеет возможность начать спор о праве» [18];

Судебная практика по защите права владения и владельческих отношений остро обозначала проблемы связанные с отсутствием правового регулирования института владения в гражданском законе. Гражданский кодекс РФ нуждается в наличии механизмов правового регулирования владения для обеспечения стабильности гражданского оборота, способствовать решению этой проблемы должна была Концепция развития законодательства. Однако, судьба раздела Концепции развития законодательства, посвященного вещному праву и владению в частности на сегодняшний день не ясна.

«Ценность юридического значения права владения как фактического состояния проявляется в возможности его защиты в судебном порядке. Эта возможность не зависит от того, имеется ли у владельца вещное право на вещь» [1].

В современной России, правовая наука и судебная практика стараются восполнить законодательный пробел и сформировать правовой фундамент для владельческой защиты и всего института владения в целом. В качестве одного из основных судебных актов, разъясняющего вопросы владения и

владельческой защиты следует назвать совместное Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10 и Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», именуемое далее по тексту «Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010» [37]. Судебные инстанции не приняли на себя роль законодателя и не стали формировать определение понятию владения.

В свою очередь цивилистическая мысль получила благодатную почву. Стали появляться новые научные труды, посвященные праву владения, в которых авторы излагают свою точку зрения с учетом накопленного опыта зарубежного права, отечественной судебной практики. Так, К.И. Скловский последовательно отстаивает свой тезис, что «владение – это физическая власть над вещью, полное поглощение вещи волей владельца» [57 с. 673].

1.2 Понятие и правовая природа владения

Одним из сложных аспектов в праве владения является вопрос изучения и уяснения правовой природы владения. Здесь отсутствует единое понимание не только традиционно из-за разности принципов правовых систем, но нет единодушия и среди ученых правоведов. Поэтому в рамках настоящего параграфа перед нами стоит задача выявить правовую природу права владения.

В англо-американской правовой системе владение традиционно считается правом, поскольку в системе общего права владение защищается законом. «Если лицу предоставляется защита, это лицо обладает правом» [68 с. 214]. Впрочем, М. Wonnakot выделяет еще одно значение владения «владение «in possession» когда лицо фактически не владеет имуществом, но считается лицом, находящимся во владении» [71].

Романо-германская правовая система традиционно находится под влиянием идей римского права, которая как мы знаем, исходит из принципа владения как фактической властью над вещью, следовательно, в законодательстве этих стран право владения понимается как факт.

Российские исследователи права, ученые юристы расходятся в оценке правовой природы владения.

Д.В. Дождев относит владение к отношению. «Владение не факт, но отношение. Это формальное явление, существующее только в правовой системе: оно не внешне праву как объект регулирования, не природное (фактическое) состояние, но абстракция, форма, норма, состоящая прежде всего в том, что участники правового общения не могут применять силу против лица, которое считается «владельцем»» [13].

К.И. Скловский считает владение фактом. Доказывая, что владение это факт К.И. Скловский апеллирует к составу владения, а именно *corpus possessionis*, физической власти над вещью. «Обозначение власти как фактической подчеркивает другое ее качество – она принадлежит к миру материального, миру фактического, она может восприниматься органами чувств постороннего наблюдателя и быть доказана как может быть доказан любой факт» [57 с. 673].

Е.А. Суханов считает, что владение может выступать в зависимости от *causa* фактом или правомочием. «Владение в российском праве представляет собой либо фактическое (не юридическое) состояние, либо элемент (правомочие) других (обязательственных или вещных прав), но не особое самостоятельное вещное право» [10 с. 16].

Относя владение к праву, ученые исходят из того, что владельцы состоят в договорных отношениях с собственниками вещи. При посягательстве на вещь со стороны третьих лиц владельцы обращаются к собственникам вещи, которые и обеспечивают защиту владельца.

Ю.С. Гамбаров утверждал, что существенный признак права заключается в его защите, это главное отличие юридического от фактического [5 с. 238].

Следующая теория признает владение – фактом. Ученные, которые защищают эту точку зрения, относят владение к явлениям материального мира. Принимая, прежде всего во внимание, что изначально владение проявилось в завладении (apprehension) или occupatio вещи с намерением удержать ее за собой или ее изготовлении с целью использования в реальном мире. При завладении явственно прослеживается материальная связь между владельцем и вещью.

Г.Ф. Пухта развивает учение о владении как факте и праве одновременно. Г.Ф. Пухта выводит учение о владении как праве личности из противопоставления владения как «фактического господства» и собственности как признанной «власти», а также «права на владение» и права на то, чтобы стать собственником [13].

Рассмотрим вопрос соотношения собственности и владения.

Владение может существовать в отрыве от права собственности. Владелец может противостоять собственнику. В то же время, если вещь фактически находится у лица, являющегося собственником этой вещи, то право собственности поглотит владение.

Как уже отмечалось, владение это фактическое состояние основу, которого составляет воля и фактическая власть. «Волеизъявление – выражение воли лица во вне» [9, с. 440]. Сделка – это волеизъявление субъекта. Допустим, что владение возникло на основании сделки, значит, воля лица получить вещь во владение была выражена в сделке. Собственность это субъективное гражданское право, закрепленное в законе. В случае кражи вещи собственником останется прежнее лицо, а вот владельцем уже будет вор, грабитель.

«Владеть - значит иметь абсолютную власть в определении того, что делать с имуществом и иметь абсолютную власть по исключению всех

третьих лиц от такого имущества» [70]. Для наличия владения требуется воля лица. При этом двух волей в отношении одной вещи существовать не может. Обоснуем данный тезис. Во-первых, воля субъекта формируется под влиянием различных факторов внешней среды, физиологических и бытовых потребностей субъекта его культуры и так далее. Предположим, что все же две воли могут соседствовать и сосуществовать как единое целое, действуя в унисон. Если желает одно лицо, то немедленно аналогичное желание появляется и у второго лица. Получается, мы имеем дело с тождеством субъекта или второй субъект является недееспособным, а значит, не может быть самостоятельным владельцем.

В этой связи интересна норма ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации, которая предполагает владение общим имуществом супругов по обоюдному согласию супругов [55]. Считаем, что диспозиция данной нормы полностью укладывается в вышеприведенные рассуждения и им не противоречит. Особенность распоряжение в данном случае связана с правовым режимом имущества, который называется совместная собственность. При этом законодатель, установив ряд ограничений по распоряжению имущества, определил, что сделка совершенная одним из супругов считается совершенной с согласия второго супруга, то есть в данном случае здесь идет речь о соподчинении одной воли второй воле.

Перейдем к вопросу о юридической сущности владения.

Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Согласно ч.3 ст.209 Гражданского кодекса РФ владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом, осуществляется их собственником свободно [6].

В юридической литературе мы можем встретить деления владения на различные классы и виды деление владения на оригинальное и производное, прямое или опосредованное [54]. Схожую классификацию можно встретить и

в судебной практике. Рассматривая в кассационном порядке дело №А51-1181/2015 Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 19 сентября 2017 года сделал вывод, что спорное имущество находится во владении арендодателя опосредовано через арендатора, которому собственник вверил свое имущество во временное пользование [28]. В Постановлении от 17 июля 2017 года Арбитражный суд Северо-Кавказского округа по делу №А32-35047/2014 приходит к тождественному выводу, порт, на основании договора, принял на ответственное хранение и безвозмездное пользование спорное имущество. Нахождение объектов на ответственном хранении у ответчика (опосредованное владение) не свидетельствует об утрате Российской Федерацией права владения таким имуществом [33].

«Вещным правом является абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками» [10 с. 7].

Из определения вещного права видно, что оно характеризуется следующими основными чертами:

- непосредственное господство лица над вещью;
- абсолютный характер;
- защита с помощью особых вещно-правовых исков.

На первый взгляд мы имеем все атрибуты владения: власть лица над вещью, возможность защищаться посредством специальных гражданско-правовых исков. Тем не менее, владение входит в состав дефиниции «собственность». Значит, владение может существовать в «отрыве» от собственности, о чем говорилось выше, тогда как собственность априори предполагает наличие владения. В родовой организации общества индивидуальная собственность отсутствовала. «Земля, занятая каким-нибудь племенем или народом, конечно, будет этим защищаться последним от всякого посягательства со стороны другого племени или народа и будет

сознаваться как «своя», но это сознание не включает еще представление о чем-либо субъективном праве на нее» [27 с. 193]. В процессе эволюции человечества, возникновение семьи происходит и трансформация рода в государство. Вместе с развитием государства происходит развитие права и зарождение права собственности. «Право собственности на недвижимость мыслится еще как нечто принадлежащее не такому или иному отдельному лицу, а той или другой семье в целом (семейная собственность). Участок земли, на котором сидит и от которого питается семья, представляется непрременной принадлежностью этой семьи, ее материальным базисом и основным неотчуждаемым капиталом» [27 с. 193]. Мы видим здесь первый элемент собственности – владение, но отсутствует второй элемент – распоряжение вещью по своему усмотрению.

«Владение как внешнее материальное отношение господства лица над вещью представляет наглядное проявление права собственности. Владение является образующим признаком возникновения, осуществления, прекращения и защиты права собственности» [53 с. 182].

Авторы, относящие право владение к праву аргументируют свои тезисы тем, что правопорядок предоставляет владению возможность защиты.

Попробуем со своей стороны доказать, что право владение это факт. Известно, что право собственности это вещное право. Содержание вещного права его структура одинакова вне зависимости от субъекта права собственности и объекта права собственности. Собственнику всегда противопоставляется неограниченный круг субъектов гражданского права, которые собственно не должны вмешиваться в свободу действий собственника. При владении правоотношения значительно разнятся и видоизменяются в зависимости от их характера. Добросовестный приобретатель может в последующем получить право собственности на вещь, а права арендатора отличаются от прав залогодателя или перевозчика. При владении правоотношения возникают, прежде всего, между

собственником и титульным владельцем, то есть правоотношения могут носить относительный характер.

Собственник, потеряв вещь, то есть, утратив реальное господство, не утрачивает право собственности на вещь. Напротив, с утратой *corpus* утрачивается владение вещью. «То, что власть физическая, означает, что она проявляется в физическом соприкосновении с вещью, она длится, пока есть эта физическая связь. Обозначение власти как физической подчеркивает другое ее качество – она принадлежит к миру материального, миру фактического, она может восприниматься органами чувств постороннего наблюдателя и быть доказана, как может быть доказан любой факт» [57 с. 673].

Проявление фактической связи владельца с вещью выражается путем *custodia*, нанесение меток и совершения иных действий, подтверждающих господство над вещами. Что касается возможности судебной защиты владения, то в этом вопросе следует полностью согласиться с мнением И.А. Покровского считавшего, что при владении защищается в первую очередь личность. Если гражданский правопорядок будет допускать защиту только правоотношения, то защиту личности останется производить в уголовном судопроизводстве или путем самоуправства. Очевидно, что нарушение владения не может быть отнесено к сфере деятельности уголовного закона. Что касается самоуправства, то государство естественным образом проводит политику по устранению нецивилизованных и неюрисдикционных средств защиты. Если правопорядок исключит возможность защиты права владения, то владельцу при защите своего права останется самоуправство, а это противоречит принципам государства в области правоохранительной политики.

Более того, известно, что в советский период отсутствовала защита права владения, но само явление существовало. Значит, владение может присутствовать в материальном мире, несмотря на то, что правопорядок не

предоставляет ему правоохранительных средств. Права существовать так не могут.

Следовательно, при нарушении прав владельца последний, имеет право обратиться в суд с целью восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 12, 305 Гражданского кодекса РФ [6]).

Владение является фактом. Владение предшествует праву собственности, выступает первоначальным основанием пользования вещью с целью присвоения приносимых ей естественных плодов или доходов.

«Владение, как и документ, подтверждающий право собственности, зарегистрированный в государственном реестре, является (при условии, что оно открытое и общеизвестное) способом уведомления мира о существовании такого притязания» [69].

Используя полученные представления о владении и его существенные признаки, предлагаем свое нормативно-правовое понятие владению для отражения его в законодательном акте, путем дополнения Гражданского кодекса РФ ст. 209.1 следующего содержания:

«Всякое фактическое обладание лицом вещи, полученное в результате волеизъявления этого лица и основанное на законе или соглашении сторон будет признаваться нахождением данной вещи во владении данного лица. Владению вещи может быть всегда противопоставлено право собственности. Владелец вещи и собственник вещи могут совпадать в одном лице, тогда вещь считается принадлежащей лицу на праве собственности».

1.3 Приобретение и прекращение владения

Мы постарались рассмотреть историю становления права владения его развитие, а также сделали попытку исследовать правовую природу владения. Право подвержено динамике. Право, являясь частью нашей жизни, бытия

человека не может находиться всегда в статике. Человек, как только начал себя выделять и противопоставлять природе и оставшемуся животному миру обеспокоился установлением и налаживанием дружественных контактов со своими сородичами и племенами, обменивался вещами, создавая фундамент для будущего товарообмена, который, несомненно, потребует урегулирования со стороны права. И так мы подошли к тому, чтобы рассмотреть генезис происхождения, перехода и прекращения владельческих правоотношений. Для этого мы поставим перед собой цель выяснить при каких условиях может быть осуществлена передача владения, достаточно ли будет для этого заключение соглашения между сторонами или потребуется передача вещи, ключей, документации и иных символов.

Углубимся в вопрос приобретение права владения и его прекращение в рамках отечественного правопорядка. Наша задача будет заключаться в выяснении порядка передачи права владения в действующем законодательстве. Для этого проведем анализ норм договорного права.

Для начала отметим следующее. Передача вещи не является синонимом передачи права владения. Эти два понятия не тождественны друг другу. Имущество передается посредством совершения субъектами права соответствующих действий. Права же передаются в силу сделочного обязательства, разновидностью которого является договор.

К.И. Скловский отмечает «Соглашение о передаче владения – это, следовательно, вполне волевое (взаимо)действие, но имеющее целью не договориться с иным лицом о том или ином поведении для установления господства над вещью в будущем, но непосредственно само установление господства. Сам результат (взаимо)действия – установления господства над вещью, т.е. изменение в материальном мире, совершение таких актов, которые изменили фактическое материальное (не юридическое) положение людей и вещей» [57 с. 713].

Гражданский кодекс РФ, а именно его норма права, закрепленная в ст.491, предусматривает следующее. В случае, если договор купли-продажи заключен на условиях в соответствии с которыми право собственности на переданное приобретателю имущество сохраняется за собственником отчуждаемого имущества до того момента пока покупатель не произведет расчет за приобретенное имущество, то, новый владелец, покупатель, со своей стороны, не вправе до перехода на него права собственности совершать сделки с этим имуществом или иным образом распоряжаться им свободно, по своему усмотрению [6].

У продавца появляется право требования от покупателя возврата ему товара, если покупатель, со своей стороны, не исполняет установленную для него обязанность оплатить определенную цену за товар.

Из этого примера мы можем прийти к заключению, что действующее законодательство допускает возникновение таких случаев, когда вещь передана будущему владельцу, но переход права собственности поставлен в зависимость от совершения покупателем встречной обязанности по оплате цены за приобретаемое имущество.

Между тем обратимся к гипотезе ст.606 Гражданского кодекса РФ. По условиям указанной нормы права на арендодателя возлагается обязанность передать арендатору индивидуально-определенную вещь [7]. При этом вещь может быть передана как во временное владение и пользование, так и только во временное пользование, то есть в последнем случае не происходит смена владельца вещи.

Арендодатель, владелец вещи, может оказаться недобросовестным лицом, а потому возможна ситуация когда арендодатель не предоставил или всячески уклоняется от фактической передачи арендатору имущества в установленный сторонами в договоре срок. За такое правонарушения, ст.611 Гражданского кодекса РФ предусматривает санкцию, которая заключается в наделении арендатора правом истребовать от арендодателя имущество,

являющееся предметом договора аренды [7]. Кроме того арендатору предоставляется на выбор право потребовать от арендатора возмещения убытков, причиненных задержкой исполнения обязательства или арендатор может потребовать расторжения договора и возмещения убытков.

Заметим, в континентальном праве на арендодателя «возлагается обязанность не просто передать по соглашению имущество, но предоставить возможность арендатору фактически вступить во владение имуществом»[25].

Сделка является одним из оснований для возникновения правоотношений. При этом гражданский закон не закрепляет императивного правила о заключении сделки в письменной форме. Так, если акцептант в силу ч.3 ст. 438 Гражданского кодекса РФ, вместо направления оференту акцепта, совершит действия по выполнению условий указанных в оферте, это будет признаваться принятием с его стороны полученной оферты [6].

Исходя из условий нормы права ст.609 Гражданского кодекса РФ, соблюдение обязательной письменной формы договора аренды требуется, если срок аренды имущества составляет более одного года, а также в тех случаях, когда одним из субъектов договора аренды является юридическое лицо [7].

Из вышесказанного мы можем заключить, что законодатель побуждает субъектов гражданских правоотношений к тому, чтобы они упорядочивали свои юридические действия путем совершения сделок в письменной форме. Несоблюдение этого требования влечет различные негативные последствия от запрета ссылаться на свидетельские показания до признания недействительности сделки.

Кроме того, несмотря на то, что сделка между сторонами заключена право владения вещью все еще может оставаться у прежнего владельца, поскольку сторона не исполнила своего обязательства по передаче вещи новому владельцу. По общему правилу, закрепленному в ст.223 Гражданского кодекса РФ, право собственности на имущество у покупателя

возникает с момента передачи ему этого имущества прежним собственником [6]. Мы не находим каких либо доводов, которые позволяли нам с категорической уверенностью утверждать, что данное правило не может быть применимо по отношению к владельческим правоотношениям. А значит, мы можем смело сослаться в поддержку нашего довода на ст.223 Гражданского кодекса РФ.

Посредством вступления субъектов гражданских правоотношений в сделки, они получают возможность удовлетворить свои существующие потребности желания. В этом заключается цель сделки. Цель имущественного договора – стать владельцем вещи. Поэтому владение возникает после фактической передачи вещи прежним владельцем новому владельцу. Данная передача происходит во исполнение заключенного между ними соглашения.

Если лицо нашло потерявшуюся вещь оно обязано уведомить об этом лицо, потерявшее ее или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу (п.1 ст.227 Гражданского кодекса РФ) [6]. Если лицо, уполномоченное получить найденную вещь, не будет установлено или само не заявит о своем праве на вещь лицу, нашедшему потерянную вещь либо в компетентные органы власти и местного самоуправления, нашедший вещь может приобрести право собственности на найденную вещь (п.1 ст.228 Гражданского кодекса РФ) [6].

Исходя из толкования ст.ст. 227 - 228 Гражданского кодекса РФ к утерянному имуществу относят такие вещи, которые выбыли из фактического владения владельца. При этом собственник не лишается права на потерянное имущество, поскольку право собственности не утрачивает. В случае обнаружения имущества у другого лица собственник имеет право истребовать данное имущество обратно.

Значит, у лица, нашедшего вещь, возникает право владения на потерянную вещь, если он не сдаст находку на хранение в компетентные

органы. Подтверждение данного вывода можно найти в судебной практике, например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 апреля 2019 года по делу №А57-11066/2018 [31], Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 августа 2023 года по делу №А55-21597/2022 [32].

Обратим внимание, что законодатель в нормах права о находке использует наряду с термином собственник также управомоченное лицо (последнее упоминается чаще) и очевидно, что они употребляются в разном лексическом значении.

Анализируя термин управомоченное лицо с учетом системного толкования статей 227, 228 Гражданского кодекса РФ можно прийти к заключению, что законодатель допускает правовую конструкцию, когда собственник на законных основаниях передает третьему лицу, например арендатору, право владения. Право владения может быть утрачено титульным владельцем по независящим от него обстоятельствам, в нашем случае вещь потеряна. При этом в соответствии со ст.305 Гражданского кодекса РФ управомоченное лицо будет иметь право на защиту своего владения [6]. Способы и средства защиты владения подробнее будут изложены в следующих главах настоящей работы.

Выше нами были рассмотрены основания возникновения владения. Напомним, для установления владения необходимо воля лица владеть вещью и фактическое обладание, господство над вещью. Логично предположить, что отпадение одного из элементов владения влечет прекращение владения. Это может произойти из-за утраты интереса владельца к вещи, по естественным причинам, таким как ликвидация юридического лица, окончания срока владения вещью, вследствие противоправных действий со стороны третьих лиц в виде кражи, уничтожения вещи и так далее. Следовательно, основания прекращения владения можно разделить на две группы: добровольная утрата владения и недобровольная утрата владения.

Обратимся к историческим документам. Павел в 65-й книге «Комментариев к эдикту» пишет «Так же как нельзя приобрести владение, иначе как волей и телом (*animo et corpore*), так и утратить можно только то владение, в отношении которого оба момента приведены к противоположности» [12 D. 41.2.8.].

Прекращение прав на вещь по причине ненадлежащего ее использования нерадивым владельцем нашло отражение и в действующем законодательстве Российской Федерации. Например, ст. 287 Гражданского кодекса РФ устанавливает правило прекращения прав на земельный участок, принадлежащих арендаторам и другим лицам, не являющимся его собственниками, ввиду ненадлежащего использования ими участка [6].

Считаем, что данная мера ответственности основывается на принципах и основных началах гражданского законодательства. Ст.1 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [6].

Несомненно, лицо, которое ненадлежащим образом владеет вещью, не осуществляет за ней должный уход, нарушает законные права собственника, тем самым оно должно лишиться предоставленного ей права владения.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать односложный вывод, что для возникновения права владения на основании соглашения необходимо чтобы вещь была фактически передана прежним владельцем новому владельцу. Передача вещи без соглашения несомненно вызывает вопросы о правовом основании возникновения права владения на вещь, которым и будет служить соглашение. Выше мы показывали что отсутствие соглашения может поставить вопрос о признании сделки недействительной, одним из возможных последствий такого признания является реституция, то есть приведение сторон в первоначальное положение. Новый владелец должен будет вернуть вещь прежнему владельцу.

Владение является важной составной частью любого развитого правопорядка. Владение, родившееся и появившееся до права и противопоставляемое праву собственности, вместе с тем стало частью правовой культуры. Во владении проявляется запрет насилия над личностью [27, с. 228]. Исключив из поля правового регулирования владение, мы не исключаем тем самым владение из мира бытия и не упорядочиваем гражданские правоотношения и законодательство. Исключив владение из гражданского закона, мы все же не исключим из гражданского оборота ни добросовестного приобретателя, ни давностного владельца, ни главного субъекта гражданских правоотношений - собственника. Мы будем вынуждены для защиты их правовых и имущественных интересов прибегать, что собственно и показывает текущая реальность, к усложнению правовых конструкций, к разъяснениям судебной практики, которые ввиду отсутствия закона будут иметь противоречивый характер, что собственно и окажет и оказывает негативное воздействие на гражданский оборот.

Важнейшим элементом владения, отличающего его от пользования, является власть лица над вещью. Поскольку владение проявляется во власти лица к вещи, то без фактической передачи вещи новому владельцу владение не возникнет. При передаче вещи владельцу собственник утрачивает над ней власть, поэтому после передачи вещи собственник теряет и владение. Значит, классификации владения на прямое и опосредованное быть не может, владение одно. Владение первоначально возникло из захвата лицом вещи. В правовой науке известно, что лицо не может передать объем прав больше чем оно само имеет, поэтому право владения возникнет и в результате порочной сделки по отчуждению имущества, о чем приобретатель имущества не знает и не может знать. В этом случае на помощь приобретателю имущества должен прийти институт давностного владельца.

Глава 2 Владельческая защита как способ охраны имущественных прав

2.1 Общая характеристика форм владельческой защиты

Нам известно, что ценность права для субъекта заключается, прежде всего, в возможности использования различных мер защиты в случаях нарушения права субъекта гражданских правоотношений. Право на защиту является правомочием гражданина и организации и закреплено в ст.45 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [17].

В соответствии с действующим законодательством защита прав может осуществляться в судебном или административном порядке. В свою очередь юридическая наука «различает юрисдикционную и неюрисдикционную форму защиты прав. Юрисдикционная форма защиты прав – защита гражданских прав государственными или уполномоченными государством органами, обладающими правоприменительными полномочиями» [10 с. 561].

В ст.12 Гражданского кодекса РФ закреплены способы защиты гражданских прав, из чего следует, что Гражданский кодекс РФ не закрепляет понятия формы защиты гражданских прав, да и не использует такую терминологию. «Охранительная функция гражданского права имеет первоочередной целью защиту имущественных и неимущественных интересов участников гражданского оборота» [10 с. 48].

Из вышесказанного мы наглядно можем увидеть, что в силу закона и правовой доктрины защите подлежат гражданские права. При этом, напомним, что ряд ученых относит владение к праву именно на том основании, что владение подлежит защите [5 с. 238]. Мы же стоим на той

позиции, что владение является фактом. «Владение – то, что может быть отобрано силой» [57 с. 673]. Во владении защищается, прежде всего, личность от насилия и самоуправства. В связи с чем перед нами ставится задача обосновать что владелец защищая свое право владения тем самым обеспечивает охрану имущественных прав.

«Создателем защиты владения как такового является Рим. Руководствуясь общей идеей охраны гражданского мира и правопорядка, римский претор от охраны чисто полицейского спокойствия мало-помалу перешел к охране мира в более широком смысле, в смысле запрещения частного самоуправства. Так возникли посессорные интердикты» [27 с. 228].

«Владение, взятое безотносительно к его основанию, всего лишь защищается нормами гражданского права как существующее фактическое положение в распределении имущества» [56]. В соответствии с частью 2 ст.234 Гражданского кодекса Российской Федерации до приобретения на имущество права собственности в силу приобретательной давности лицо, владеющее имуществом как своим собственным, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания [6].

Владельцу вещи в повседневной жизни противостоит как неопределенный круг обязанных лиц (абсолютные правоотношения), так и конкретные участники гражданских правоотношений, вытекающие из обязательственных правоотношений (относительные правоотношения). Отсюда владелец вещи имеет право на предъявление абсолютного иска или может осуществить защиту своего права с помощью обязательственного способа защиты. При этом в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 разъяснено, что статья 234 Гражданского кодекса Российской Федерации не подлежит применению в

случаях, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств [37].

Среди современных видов защиты права следует отметить предоставление защиты добросовестному приобретателю; право на предъявление виндикационного иска; право на предъявление кондикционного иска; право требования о применении последствий недействительности сделки (реституции). Обозначенные виды защиты будут нами более подробно освещены в следующей главе настоящей работы, а сейчас мы остановимся на краткой характеристике отдельных форм владельческой защиты и рассмотрим некоторые проблемы, связанные с возможностью применения владельцем защитных мер и способов.

Одним из способов защиты гражданских прав для лица, чьи права были нарушены ст. 12 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность признать недействительным акт государственного органа или органа местного самоуправления [6]. Рассмотрим данный механизм по отношению защите права владения.

В практике исполнения судебных актов бывают ситуации наложения судебным приставом-исполнителем ареста на имущество, не принадлежащее должнику в исполнительном производстве. Для таких случаев, законодатель предусмотрел возможность для заинтересованных лиц, право обратиться в суд с иском об освобождении имущества от наложения ареста или исключении его из описи, что нашло свое отражение в части 2 ст.119 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об исполнительном производстве». Заметим, что часть 1 ст.77 указанного нами сейчас закона, разрешает обращение взыскания на имущество должника, находящееся у третьих лиц [61]. Следовательно, если исполнительное производство возбуждено в отношении должника - собственника имущества титульный владелец не сможет защититься путем предъявления иска об исключении имущества из описи. В связи с чем, проанализируем

возможности защиты залогодержателем имущества, являющегося предметом залога, но фактически находящегося у залогодателя, в том числе и в правоприменительной практике, при этом, напомним, что в действующем законодательстве залог сохраняет за собой обязательственно-правовую природу [4].

В силу части 1 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации залогодержатель по обеспеченному залогом обязательству имеет право на преимущественное удовлетворение своих требований из стоимости заложенного имущества перед другими кредиторами залогодателя [6]. Порядок обращения взыскания на имущество должника определен в ст.69 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве», при этом, в части 4 содержится правило, что при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее ему на праве собственности независимо от того, где и в чьем фактическом владении и (или) пользовании оно находится [61].

Согласно статье 347 Гражданского кодекса РФ залогодержатель вправе требовать освобождения заложенного имущества от ареста (исключения его из описи) в связи с обращением на него взыскания в порядке исполнительного производства [6].

Следовательно, если истцом не реализовано право на инициирование процедуры обращения взыскания на заложенное имущество и удовлетворение своих требований к должнику из стоимости заложенного имущества преимущественно перед иными лицами залогодержателю могут отказать в иске об исключении имущества из описи ареста, так как залог последует за судьбой вещи и права залогодержателя не будут нарушены в результате смены собственника.

Помимо прочего, залогодержатель, в основании иска об исключении предмета залога из акта описи ареста будет ссылаться на свой титул, а значит будет защищаться обязательственные правоотношения [57 с. 697].

Для подтверждения нашего тезиса обратимся к судебной практике. 06 октября 2022 года судебная коллегия Арбитражного суда Уральского округа рассмотрела кассационную жалобу по делу по делу № А60-4632/2022 [35]. Истец, он же кассатор, являющийся залогодержателем, обратился в арбитражный суд с требованием освободить от ареста и снять (отменить) запреты на совершение регистрационных действий, установленных постановлениями Октябрьского РОСП г. Екатеринбурга о запрете на совершение действий по регистрации имущества должника принятых в рамках возбужденного исполнительного производства. Суды первых двух инстанций отказали истцу в удовлетворении исковых требований. Выводы нижестоящих инстанций поддержала кассационная инстанция.

При этом, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 06 октября 2022 года по делу № А60-4632/2022 отметил, что в силу положений статьи 218 Гражданского кодекса РФ договор залога, являющийся способом обеспечения, в данном случае, денежного обязательства, не относится к основаниям приобретения права собственности на имущество [35].

Данный вывод представляет для нас особый интерес. Так как, по нашему мнению судебная коллегия, тем самым обозначила свое отношение к вопросу посессорной защиты, а именно, раз кассатор не собственник ему не доступна посессорная защита.

Этот вывод связан с еще одним выводом, нашедшим свое отражение в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 06 октября 2022 года. Кассационная инстанция указала, что по существу, в рассматриваемом споре требования истца сводятся к оспариванию действий судебного пристава-исполнителя по наложению ареста на заложенное имущество, при этом требования об оспаривании постановлений, действий (бездействия)

судебных приставов-исполнителей и иных должностных лиц Федеральной службы судебных приставов рассматриваются в порядке, предусмотренном главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, и в порядке, предусмотренном главой 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ [35].

И так в данном случае кассационная инстанция не предоставила владельцу посessorную защиту, поскольку по ее мнению она может быть предоставлена только собственнику. Защита же залогодержателя будет происходить в рамках административного судопроизводства.

Стоит отметить, что и в административном судопроизводстве залогодержателю может быть отказано в удовлетворении требований об исключении имущества из описи, что подтверждается апелляционным определением Приморского краевого суда от 13.07.2022г. по делу №33а-6172/2022 [2]. Также в качестве аналогичной судебной практики можно привести Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 по делу №88-3345/2022 (дело 2-2227/2021) [24].

«Защита титульного собственника во всяком случае лишена универсальности и автоматизма. Не во всех случаях имеется интерес, дающий право на защиту владения, а для проверки этого интереса для выяснения того нарушено ли право истца, каждый раз приходится прибегать к выяснению личных отношений сторон. Спор, таким образом, всегда черты не вещного, а обязательственного права. Это позволяет прийти к выводу, что титульный владелец, основывающий свой титул на договоре с собственником вещного права владения не получает. Защищается его владение как фактическая позиция» [57 с. 706].

Изложенное позволяет нам прийти к выводу, что гражданское законодательство, предоставляет защиту владельцу в весьма узких случаях. При этом, иных специальных форм защиты владения действующим законодательством не установлено. Между тем мы считаем, что

правонарушитель, посягая на личность владельца, тем самым нарушает его свободу, в том числе на свободу действий. В действии выражается владение лицом имуществом. В свою очередь правомочия на собственные действия являются составной частью субъективных прав. Поэтому через защиту владения владелец защищает свои субъективные права.

Владельческие интердикты Древнего Рима, с помощью которых осуществлялась защита прав владельца, по существу были распоряжениями претора, принятые по результатам рассмотрения административного процесса [53 с. 196]. Напомним виды владельческих интердиктов: запретительные; восстановительные; предъявительные.

Защита права владения, прежде всего речь, идет о владельческой защите в том классическом виде, которая предоставлялась в свое время владельцам со стороны претора, то есть без выяснения вопроса о праве лица на вещь, на законодательном уровне не регламентирована. Отсюда мы получаем проблему защиты владения. Владельческие интердикты предваряли судебный процесс о праве собственности [53 с. 197]. Исторически интердикты возникли как запрет на самоуправство, применения насилия. «Применительно к владению уже в классическом праве был провозглашен принцип недопущения насилия независимо от права на вещь» [57 с. 730]. Статьи 301-305 Гражданского кодекса РФ по своему нормативно-правовому смыслу предполагают в той или иной степени выяснения судом вопроса о праве истца на имущество [6]. Отсутствие в действующем законодательстве порядка и регламентации защиты владения приводит к размыванию петиторной и посессорной защиты. В связи с чем при защите владения мы по существу получаем петиторную защиту [54]. Дополнительным подтверждение сказанных слов служит п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010, содержащее разъяснение, лицо, обратившееся в суд с иском об истребовании своего имущества из чужого незаконного владения, должно

доказать свое право собственности на имущество, находящееся во владении ответчика [37]. Поэтому мы не можем согласиться с Д.В. Дождевым, считающим, что российский закон при защите владения не допускает возражений о праве собственности, а потому мы имеем посессорную защиту [14].

Процессуальный закон обязывает каждую сторону, в рамках судебного процесса, доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Стало быть, владелец, при обращении в суд должен документально подтвердить, что имущество находится в его законном владении. При этом ответчик не лишен возражать против требований истца, а также представлять доказательства в основании своих возражений.

Между тем, представление судебным органам правоподтверждающих и правоустанавливающих документов на имущество может оказаться весьма затруднительным, если совсем невозможным. Например, право на имущество возникло в результате акционирование арендного предприятия, или когда семья несколько поколений живет в одном доме не заботясь ни о постановке земельного участка на кадастровый учет и соответственно ни об оформлении права собственности на дом.

Частично, владельцу, приходит на помощь норма права части 2 ст.234 Гражданского кодекса РФ [6]. Ее диспозиция распространяется на случаи защиты давностного владельца против лиц, не имеющих права владения на имущество. Давностный владелец знает, что не является титульным владельцем, что ему имущество не было передано собственником на основании соглашения, а владельческая защита предоставляется каждому лицу, у которого вещь находится во владении. Раз защита предоставляется давностному владельцу, то она должна быть представлена и титульному владельцу, в том числе на основании аналогии закона.

2.2 Самозащита владения

«Будучи фактическим господством лица над вещью, владение всегда открыто для противоправных посягательств. Из этих соображений нарушенный правовой мир обязательно должен быть восстановлен, а правонарушитель не вправе обратить его в свою пользу» [56].

Владение существует до тех пор, пока существует физическое господство владельца над вещью или у владельца существует возможность восстановить эту связь. Мы уже отмечали в настоящей работе, что господство устранить можно только физически, тогда как право можно оспорить в судебном порядке. Поэтому, владельцу приходится защищать свое владение вещью силой. Приведем пример такой ситуации. Покупатель, приобрел транспортное средство у неуправомоченного лица, о чем покупатель не знал. Покупатель будет добросовестным незаконным владельцем. Собственник, увидев свой автомобиль вправе прибегнуть к способам самозащиты своего имущества, поскольку основания прекращения права собственности, предусмотренные ст. 235 Гражданского кодекса РФ не наступили [6]. При этом, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите [39]. По смыслу статей 1 и 14 Гражданского кодекса РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество [6]. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости.

Определение самозащиты дано В.П. Грибановым под которой следует понимать «совершение управомоченным лицом дозволенных законом

действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов» [11 с. 119].

Известно, что самозащита может осуществляться в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости. Владельцы могут применять предупредительные меры, направленные на охрану имущества, например, такие как установление оград, забора, систем видеонаблюдения, выставления вооруженной охраны. Владелец, исходя из конкретной обстановки, может применить силу, оружие против проникшего в дом грабителя. Спасая свое имущество от опасности, владелец может причинить вред имуществу третьих лиц. Из научного определения самозащиты следует, что это дозволенные законом действия управомоченного лица. Между тем, наш закон как гражданский, так и уголовный не раскрывает перечень возможных действий при самозащите, да этого и не получится закрепить в нормативном акте, так как этот перечень будет весьма обширен. Однако в этом видится и проблема самозащиты. Дело в том, что нарушением дозволенных фактических действий самозащиты будет самоуправство, которое уже является наказуемым видом деяния.

Самозащита это древнейший способ защиты своего имущества, территории, своей общины. Не ошибемся, если отметим, прочные и долгие отношения самозащиты и владения. Так, в общинно-родовом строе, до установления права, имущество защищалось, если не самостоятельно лицом, то родом или общиной. И это тоже было самозащитой, так как в первую очередь юрисдикционных органов не существовало, а во-вторых, в отсутствии права нельзя было сказать, что лицо, защищая свое имущество, превысило свои права, вышло за его пределы. Это один аспект. Другое обстоятельство связано с владением. Из главы первой настоящей работы мы можем заключить, что владение возникло вне права. С появлением права зарождается собственность, сущность которой заключается в недопущении нарушения границ прав собственника со стороны третьих лиц.

Собственность это юридическое отношение. Владение, повторимся, фактическое отношение лица к вещи, выраженное в господстве лица над вещью. Поскольку господство это власть, то владелец, при попытке постороннего лица отнять у него вещь, считает что прежде всего покушаются на его власть, поэтому полагает правильным защитить свою власть, дав силовой отпор обидчику, тем самым снова доказав свое господство над вещью. Таким образом, мы считаем, что самозащита была и остается одним из основных способов защиты владения. Цель самозащиты владения – пресечение противоправных действий нарушителя по отношению к владельцу и его имуществу, а также восстановление нарушенного владения.

Рассматривая самозащиту владения, хотелось бы рассмотреть вопрос о возможности применения самозащиты против владельца собственником своего имущества переданного во владение на основании соглашения. По нашему мнению, вопрос будет разрешаться не в пользу владельца. Проиллюстрируем ситуацию на следующем примере. Собственник передал арендатору в аренду земельный участок для выращивания различных плодовоовощных культур. Арендатор же стал ненадлежащим образом использовать земельный участок, ухудшать плодородный слой, загрязнять его. В этом случае арендодатель, может потребовать досрочного расторжения договора аренды, после предварительного письменного уведомления об этом арендатора. В соответствии со ст.619 Гражданского кодекса РФ досрочное расторжение договора будет производиться в судебном порядке [7]. Возможно, отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке, но порядок одностороннего отказа регламентирован ст. 310 Гражданского кодекса РФ, которая по общему правилу устанавливает запрет на односторонний отказ от исполнения обязательств [6]. Это значит, что сторонами в договоре аренды должна быть прямо оговорена возможность арендодателя отказа от исполнения договора в случае существенного ухудшения арендатором имущества. Но с получением арендатором письма от

арендодателя об одностороннем отказе от исполнения договора события могут не закончиться, так как арендатор может продолжить пользоваться земельным участком, одновременно его ухудшая. Договор аренды земельного участка в соответствии с п.2 ст.655 Гражданского кодекса РФ прекращается с момента возврата земельного участка арендодателю и подписания сторонами соответствующего документа о передаче [7]. Вместе с тем несоблюдение порядка расторжения или отказа от исполнения договора со стороны арендодателя будет являться основанием для суда в оставлении иска без рассмотрения, если не соблюден досудебный порядок урегулирования спора, что предусмотрено ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] или ст. 222 Гражданского процессуального кодекса РФ [8].

Самовольное изгнание арендодателем арендатора с земельного участка либо недопущение арендатора на земельный участок может расцениваться как односторонний отказ со стороны арендодателя от исполнения договора. В этом случае, действия по самозащите будут противоречить ст.310 Гражданского кодекса РФ, как уже было отмечено, запрещающей односторонний отказ от исполнения договора [6]. Поскольку, наше право исходит из приоритета сохранения сделки, то суд, видя нарушения в процедуре ее прекращения, откажет арендодателю в расторжении договора.

Самозащита применяется, когда обстоятельства требуют безотлагательного принятия решений и действий, а обращение за защитой в административные органы сопряжено с определенными трудностями или за время обращения за помощью к административным органам владельцу будет причинен ущерб. Если владелец применяет меры по самозащите имущества по окончании противоправного посягательства, то его действия нельзя признать правомерными, так как владельцем будет нарушен принцип своевременности применения действий, направленных на самозащиту.

В современном гражданском законодательстве достаточно большое внимание уделяется вопросу предела осуществления прав. Актуально это и для самозащиты владения. «Превышение средств защиты над средствами посягательства и явное несоответствие этих средств защиты охраняемому благу является одним из признаков, свидетельствующих о превышении пределов необходимой обороны» [11 с. 124]. В соответствии со ст. 1066 Гражданского кодекса РФ превышение пределов необходимой обороны является основанием для возмещения вреда [7].

В пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» отмечено, что размер возмещения определяется судом в зависимости от степени вины как причинителя вреда, так и потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда [38]. Значит, при определении ответственности будет учитываться психологическое отношение владельца к своему действию по самозащите владения. Владелец как обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты. Поэтому, в судебном процессе, при определении ответственности владельца, в случае превышения пределов необходимой обороны следует учитывать его психоэмоциональное состояние владельца в момент самозащиты.

В гражданском праве существует схожий с самозащитой по порядку действий управомоченного лица способ защиты права как применение мер оперативного характера к правонарушителю. Поэтому уделим этому способу защиты права немного нашего внимания, так как от правильной квалификации способа защиты гражданских прав зависит и оценка юридических действий лица, который применял эти способы защиты.

Отличительной чертой самозащиты является возможность управомоченного лица, владельца, самостоятельно, не прибегая к помощи юрисдикционных органов осуществить защиту своего права владения и имущества. Применение мер оперативного характера также возможно непосредственно самим управомоченным лицом к нарушителю гражданских прав и обязанностей, но только вытекающих из обязательственных отношений. «Правоохранительный характер этих мер находит свое выражение в том, что они применяются управомоченным лицом лишь в случае, когда обязанная сторона допустила те или иные нарушения» [11 с. 119]. Следовательно, отличие самозащиты от применения мер оперативного характера заключается в том, что при самозащите мы имеем дело с абсолютными правоотношениями, где владельцу противостоит каждое лицо, в обязанности которого входит воздержание от нарушения прав владельца. В случае же применения мер оперативного характера мы имеем дело с относительными правоотношениями, то есть основанных на соглашении сторон. «В целях обеспечения правомерного использования управомоченным лицом мер оперативного воздействия закон предоставляет право обязанному лицу в случае необоснованного к нему мер оперативного воздействия оспорить правильность их применения в суде» [11 с. 137]. Соответственно, если нарушено соглашение, владелец должен принимать меры по защите своего владения в соответствии с условиями этого соглашения и законодательства, регулирующего данные отношения.

Самозащита приходила на помощь владению не один век, пока преторы не подняли владение на новый правовой уровень, предоставив владельцу особую интердиктную защиту, но нельзя сказать, что с появлением посессорной защиты пару владение – самозащита навсегда разлучили. Она настолько долго была вместе, что ее можно видеть и ощущать и в наши дни. Установление забора, сигнализации, постов охраны это все проявление самозащиты владения, направленных владельцем на

сохранение своего владения вещью. Вообще самозащита владения может быть только в виде отражения внешнего насилия. Иные виды самозащиты не будут являться таковой.

Докажем данный тезис. В качестве одного из классических примеров самозащиты как таковой приводят удержание. Например, арендодатель, в силу ст.359 Гражданского кодекса РФ [6] может удерживать вещи арендатора, оставшиеся в арендуемом им ранее помещении, в случае неисполнения арендатором обязательства по оплате арендных платежей. На самом деле самозащиты владения со стороны арендодателя нет. Во-первых, хотя вещь находится в фактической власти арендодателя, но не ясно относительно его воли, желает он владеть этими вещами или нет. Допустим, арендодатель выразил и свою волю владеть вещами арендатора. И так, арендодатель стал владельцем. Однако арендодатель защищает, таким образом, не свое вновь возникшее право владения, а выбрал такой способ, для получения удовлетворения от арендатора по оплате арендных платежей. Иными словами арендодатель таким способом обеспечивает исполнение обязательств ведь и нормы права об удержании вещи помещены в главу Гражданского кодекса РФ «Обеспечение исполнения обязательств».

Обобщая сказанное, хочется отметить следующее. Применение владельцем самозащиты для отражения проявленного насилия, в общем, то, допускается действующим законодательством. Другое дело, когда речь идет об активных действиях владельца, то есть когда владелец нападает чтобы отобрать принадлежащую ему вещь у правонарушителя. В этом случае закон уже должен потребовать от владельца представить доказательства или обосновать разумность своего поведения. «В любом случае в теории современного права самозащита признается срочной и временной мерой охраны нарушенного владения» [56].

Обратимся к судебной практике, чтобы на примере конкретных жизненных обстоятельств, рассмотреть вопросы самозащиты.

Рамонским районным судом Воронежской области было возбуждено гражданское дело №2-110/2021 на основании искового заявления о запрещении ответчикам осуществлять парковку транспортных средств у выездных ворот, признании действий по разрушению шлагбаума незаконными [52]. Обстоятельства дела были следующие. Истец и ответчик являются соседями в садовом некоммерческом товариществе. Ответчик, по мнению истца, ставил свой автомобиль напротив выездных ворот садового участка истцов, препятствуя въезду и выезду автомобиля истцов. Чтобы ответчик не препятствовал своим автомобилем проезду автомобиля истцов, последний установил шлагбаум, однако ответчик его несколько раз самовольно демонтировал и продолжал ставить свой автомобиль.

В процессе рассмотрения дела, было установлено, что шлагбаум установлен на земельном участке общего назначения, и ограничения, тем самым препятствуют, пользованию другими членами садоводческого товарищества, участком (проездом) улицы. Кроме того, установив шлагбаум, истец заблокировал проезд к гаражу соседнего участка. В соответствии с частью 5 ст. 24 Федерального закона от 29.07.2017 №217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» правообладатели земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, вправе использовать земельные участки общего назначения в границах такой территории для прохода и проезда к своим земельным участкам свободно и без взимания платы. Никто не вправе ограничивать доступ правообладателей земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, к таким земельным участкам [62].

Суд, отказывая в удовлетворении требований истцу, признал действия ответчика по демонтажу шлагбаума на земле общего пользования

самозащитой его права на пользование общим проездом по территории садоводческого товарищества, которое было ограничено истцом.

Стоит согласиться с правовой позицией суда, истец, действиями по охране своего права и своего имущества, нарушил права других лиц. По существу действия истца направлены на преимущественное использование проезда по улице. Поэтому действия истца нельзя признать самозащитой, в отличие от действий ответчика.

Рассмотрим еще один пример. На сегодняшний день в России, несмотря на меры принимаемые государством остается большое число объектов недвижимого имущества, в отношении которого не оформлено право собственности, прежде всего мы говорим о дачах. Пусть собственник использует свою дачу сезонно. После уборки урожая он покидает ее до следующего дачного сезона. И так собственник возвращается на свою дачу, а она занята третьими лицами, которые уже обрабатывают земельный участок, а по отношению к настоящему хозяину ведут себя дружелюбно не проявляя каких-либо угроз. В данной ситуации мы имеем захват и завладение дачным участком. Противоправное действие окончено, а реальной угрозы нет. Получается, у хозяина дачи отсутствуют основания для применения мер необходимой обороны и для самозащиты.

Вместе с тем заметим, что при отсутствии норм права о владельческой защите наше действующее законодательство также не устанавливает прямой обязанности хозяина обратиться в данной ситуации в компетентные административные органы за защитой своего нарушенного владения. Это значит, что теоретически, да и практически хозяин дачного участка может прибегнуть к самозащите и с применением силы освободить свой дачный участок от непрошенных гостей. И действия хозяина навряд ли будут квалифицированы как самоуправство, поскольку, повторимся, наш закон не определяет порядок применения посессорной защиты, а завладение и захват чужого имущества вместе с тем присутствует.

Между тем, учитывая, что хозяин дачи своевременно не оформил в установленном порядке право собственности на дачный участок перед ним могут оказаться, в том числе и добросовестные приобретатели.

Наглядный случай, рассмотренный 17 января 2024 года Новоспасским районным судом Ульяновской области в рамках гражданского дела №2-1-23/2024 [51]. Истец обратился в суд с иском к ответчику об истребовании из незаконного владения земельного участка.

Требования мотивированы тем, что постановлением главы администрации истцу выделено и передано 20 га пашни, из которых 10 га - в собственность бесплатно, а 10 га пашни - в аренду на 10 лет. В 2005 году истец переехал и перестал заниматься сельским хозяйством, уведомления о продлении срока аренды не направлял, заявлений об отказе от права собственности не подавал. В 2019 году истец узнал, что принадлежащий ему земельный участок вошел в состав земельного участка, собственником которого с 12.03.2012 является ответчик.

Отказывая в удовлетворении требований истцу суд указал, что земельный участок становится индивидуально - определенной вещью с момента проведения его государственного кадастрового учета. Возможность обращения с требованием о признании права собственности на недвижимое имущество отсутствующим предоставлена только лицу, которое в соответствии с данными является собственником этого имущества и одновременно им владеет. При установленных обстоятельствах, суд считает, что обращение истца является ненадлежащим способом защиты права, поскольку спорный земельный участок в существующем виде невозможно истребовать, так как право ответчика зарегистрировано в установленном законом порядке.

Дополнительно отметим вывод суда, нашедший отражение в решении и представляющий для нас интерес в рамках настоящей работы. Истец, полагая себя лицом, обладающим правом на спорный земельный участок,

соответственно, влекущим за собой обязанность по его содержанию, сохранению, действуя разумно, добросовестно и осмотрительно, должен был знать о владении имуществом иным лицом. Если лицо, считающее себя собственником спорного земельного участка с 1996 года и утратившее фактическое владение с 2012 года, не интересуется обстоятельствами и основаниями утраты владения, оно не может считаться добросовестным [51].

В этом выводе суда нашли свое отражение характерные черты владения непрерывность, внешнее выражение факта владения – обязанность по содержанию имущества, проявление заботы о сохранности имущества.

И так, в указанном примере, мы получаем классическую проблему владения, связанную с самозащитой права владения, а нам известно, что владение как институт и развился из общего запрета на самоуправство. Поэтому, по нашему мнению, когда отсутствуют прямые основания для применения мер самозащиты, но сохраняется нарушения владения, собственник вправе защищать свое имущество только посредством компетентных административных органов, если более конкретизировать вывод, то посредством судопроизводства в рамках процессуального и материального законодательства.

Самозащита, в том числе самозащита владения для цивилизованного правопорядка должна представляться экстраординарным способом защиты, применяемого, прежде всего для отражения реальной угрозы владельцу и его имущества, когда у владельца нет возможности в силу объективных причин получить оперативную защиту со стороны государственных органов. При этом, в целях проведения демаркационной границы между самозащитой и самоуправством гражданский закон должен определить при наступлении каких фактических обстоятельств владелец теряет правовые основания для применения мер самозащиты и у него возникает право на защиту владения уже только в рамках посессорной защиты.

2.3 Посессорный иск как способ охраны имущественных прав

Посессорная защита исторически имела свои процессуальные особенности, включая в себя особый порядок рассмотрения вопроса о владении, пресекательный годичный срок, в течение которого можно было заявить посессорный иск. В дореволюционной России на различных исторических этапах вопросы владельческой защиты относились к различным административным органам: земской полиции, мировым судьям [20]. Отсутствие в законодательстве, на современном этапе, норм о владении и владельческой защите, порождает много правовых проблем, заставляя подгонять ответы под решение задачи, используя для этого способы больше характерные для защиты вещных прав, чем для защиты владения.

В нашей работе уже неоднократно приводились аргументы, показывающие, что действующее гражданское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих посессорную защиту [14]. Добавим, что и ст. 234 Гражданского кодекса РФ, направленная на защиту давностного владения и в этом смысле предоставляющая защиту владению [6], собственно не предоставляет владельцу непосредственно посессорной защиты.

Представляется, что усматривать посессорную защиту в ст. 234 Гражданского кодекса РФ нельзя. Дело в том, что в основе защиты давности лежит не только сам факт владения. Безусловно, в ст. 234 Гражданского кодекса РФ владение понимается как факт [6], но и наличие других условий, характеризующих такое владение: владение должно быть добросовестным, открытым и непрерывным. А самое главное то, что владение по приобретательной давности не защищается от собственника и титульного владельца. Таким образом, владение по давности не может быть противопоставлено праву собственности и иному вещному праву, а в сопоставлении с ними выступает как факт. К.И. Скловский отмечает, «что

наше законодательство утратило классическую владельческую защиту и это делает возможным несанкционированное насильственное отобрание имущества у незаконного владельца без всяких частноправовых последствий» [57 с. 707].

Гражданское общество устроено на основе приобретения и распределения материальных благ, для него нехарактерно наличие бесхозяйной вещи. Лицо, нашедшее потерянную вещь при определенных ст. 228 Гражданского кодекса РФ обстоятельствах может стать собственником этой вещи. Пригульное животное в порядке ст.231 Гражданского кодекса РФ может перейти в собственность лица, задержавшего животное [6]. Между тем, С.А. Сеницын в книге «Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы» утверждает, что лицо, нашедшее вещь или лицо, задержавшее животное не получает посессорную защиту, так как «здесь отсутствует воля к владению в своем интересе – *animus possidendi*» [56]. Представляется, что с этим нельзя согласиться. «Презюмируется, что лицо, нашедшее движимую вещь, имеет «лучшее право» на нее против всех лиц, за исключением ее собственника» [67]. Разберем ситуацию на примере с безнадзорными животными. В силу п. 2 ст.230 Гражданского кодекса РФ на время розыска собственника животных они могут быть оставлены лицом, задержавшим их, у себя на содержании и в пользовании либо сданы на содержание и в пользование другому лицу, имеющему необходимые для этого условия [6]. Таким образом, если у лица, нашедшего вещь, отсутствует интерес во владении, то он передает животное в пользование третьему лицу. Во-вторых, напомним, что под владением понимается всякое фактическое нахождение вещи во власти лица. В современном понимании различные детенторы также являются владельцами. И, в-третьих, в той же книге С.А. Сеницын отмечает «основания необходимости защиты владения в гражданском праве должны быть найдены в природе самого владения как фактического состояния» [56]. Значит, лицо, у

которого останется животное, будет считаться владельцем, но возможно, что в данном случае мы будем иметь дело с владением в силу закона или в силу социального обязательства.

Изучая вопрос посессорной защиты, рассмотрим проблему защиты владельца, у которого вещь выбыла помимо его воли. Когда говорят о возможности защиты права владельца, то помимо прочего, ссылаются на ст.ст. 301-305 Гражданского кодекса РФ [6]. Виндикационный иск - иск об истребовании из чужого незаконного владения, является в гражданском законодательстве классическим видом вещно-правового иска. При этом в соответствии со ст.305 Гражданского кодекса РФ владелец также имеет право на защиту с помощью виндикационного иска.

Теперь обратимся к ст. 302 Гражданского кодекса РФ. Её норма предусматривает, что собственник имущества не вправе истребовать свое имущество у приобретателя, если приобретатель приобрел это имущество возмездно у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель) за исключением случаев, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли [6].

Интересен субъектный состав ст. 302 Гражданского кодекса РФ:

- собственник;
- добросовестный приобретатель;
- лицо, которому имущество было передано собственником во владение;
- неуправомоченный отчуждатель имущества.

В рамках нашей работы для нас представляет интерес трио: собственник; добросовестный приобретатель; владелец. Поскольку имущество приобретено добросовестным приобретателем не у собственника,

то добросовестный приобретатель также будет являться владельцем имущества, так как право собственности на него не было перенесено.

Часть 2 ст.234 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что в силу приобретательной давности лицо, владеющее имуществом как своим собственным, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания [6].

Получается что, гражданский закон различает два вида владения добросовестное, когда владелец не знал и не должен был знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности и давностное, когда владелец знает, что владеет вещью на незаконных основаниях.

В свою очередь ст.302 Гражданского кодекса РФ предоставляет возможность истребовать имущество у добросовестного приобретателя только собственнику, бывший владелец, таким образом, оказывается лицом, неуправомоченным обращаться за восстановлением нарушенных прав [6].

При этом из буквального толкования нормы ст.305 Гражданского кодекса РФ следует, что она распространяет свое действие исключительно на владельца, то есть лицо владеющее имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором[6]. Но бывший владелец уже не является владельцем, так как имущество уже выбыло из его фактического владения.

Между тем, отношения могут сложиться так, что единственным заинтересованным лицом в истребовании незаконно выбывшей вещи окажется бывший владелец, а собственник самоустранится от решения сложного вопроса. Например, между арендодателем и арендатором заключен договор аренды транспортного средства, по истечении срока, которого право собственности на транспортное средство переходит арендатору.

Арендодатель, получая исправно арендные платежи, может совсем не интересоваться судьбой транспортного средства и расценивать уже имущество ни как свое собственное.

Так, часть 1 ст.19 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» предусматривает, что стороны в договоре лизинга могут установить правило в соответствии с которым, предмет лизинга переходит в собственность лизингополучателя по истечении срока договора лизинга или до его истечения на условиях, предусмотренных соглашением сторон. По общему правилу, в силу ст. 22 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» ответственность за сохранность предмета лизинга от всех видов имущественного ущерба, а также за риски, связанные с его гибелью, утратой, порчей, хищением несет лизингополучатель [65].

Получается, что имущественные риски и потери ложатся на владельца, который вынужден, будет для защиты своего права владения обратиться за помощью к собственнику вещи. В свою очередь к этому моменту собственник уже мог утратить интерес к переданному владельцу имуществу, а значит и определенную заинтересованность в рассмотрении посessorного спора, поскольку у собственника остается право получить удовлетворение от понесенного ущерба за счет владельца.

Приведем пример из судебной практики. Государственная инспекция по контролю за использованием объектов недвижимости города Москвы обратилась в арбитражный суд к ООО "Управляющая компания Промсвязь" с исковыми требованиями: о приостановлении строительных работ на земельных участках и о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, путем обязания освободить земельные участки

Суд первой инстанции и апелляционная инстанция отказали в удовлетворении требований. Арбитражный суд Московского округа отказывая в удовлетворении жалобы кассатора по делу № А40-232397/2022 от 13.12.2023 года указал, реализация тех или иных способов защиты права,

избираемых усмотрением истца, предполагает наличие в качестве ключевой предпосылки и необходимого впоследствии предмета доказывания самого факта нарушения защищаемого права поведением определенного лица [30].

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2015 № 4-КГ15-17, иск о признании права отсутствующим может быть удовлетворен судом в случае, если истец является владеющим собственником недвижимости, право которого зарегистрировано. Между тем, как установлено судами, в настоящем случае истец не подтвердил, что является владеющим собственником спорного недвижимого имущества, право которого зарегистрировано, и в отношении которого истец уполномочен осуществлять контроль по целевому использованию [23].

Избрание истцом неверного способа судебной защиты влечет отказ в удовлетворении заявленных им требований, поскольку в таком случае не обеспечивается защита права и его восстановление.

В соответствии со ст.347 Гражданского кодекса РФ залогодержателю предоставлено право истребовать заложенное имущество из чужого незаконного владения, в том числе из владения залогодателя [6]. Истребовать имущество из чужого незаконного владения может арендатор, в силу ст.ст. 301, 305 Гражданского кодекса РФ. Соответственно посессорная защита предоставляется владельцам, но равно также она может предоставляться и собственникам, поскольку предполагается, что в большинстве своем владелец и есть собственник. В этом случае владение противостоит праву собственности. Но представляется неправильным вводить закрытый перечень лиц, претендующих на владельческую защиту ее должно получать любое заинтересованное лицо. «Заинтересованным же является не только тот, в чьих руках данное имущество находится, но также и тот, от кого это имущество реальным обладателем получено» [60 с. 345].

К.И. Скловский приводит следующие слова Г. Дернбурга «владение есть фактический общественный строй, существующее распределение вещественных благ. Произвольное нарушение этого фактического отношения могло бы вызвать непоправимое расстройство. Поэтому неприкосновенность нашего фактического имущественного положения является одним из условий упорядоченного общежития» [57 с. 682]. В этих словах можно увидеть отражение таких принципов гражданского права как принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, принцип всемерной охраны. Вместе эти принципы можно уже конкретизировать как свободу и стабильность имущественного оборота, который в свою очередь направлен на сохранение текущего статуса участников гражданских правоотношений. Таким образом, причиной для посессорной защиты служит сохранение результата произведенного распределения вещи, то есть владение владельцем вещью, до тех пор, пока суд не рассмотрит вопрос о правомерности произведенного распределения, о сохранении «статус-кво» владельца. При этом со времен Древнего Рима выработалось правило, владевший до процесса оставался владельцем и на время процесса и он же делался ответчиком в судебном процессе.

В классическом варианте посессорный иск предшествует иску о праве. «Преторские интердикты были условным приказом, которым начиналось особое интердиктное производство, и принимались для скорейшего разрешения частных споров» [53 с. 87]. При этом вопросы о праве поднимать было нельзя. Лицо несогласное с принятым интердиктом могло его обжаловать в судебном порядке. Именно запрет на постановку вопроса о праве является особенностью посессорного иска и его отличительной чертой от петиторного иска. Тем не менее, разделение иска на два вида посессорный и петиторный в современных условиях представляется излишним и не отвечающим текущим требованиям гражданского оборота.

Поэтому, попробуем предложить наше виденье построения системы посессорной защиты. Начнем в этом вопросе с того обстоятельства, что определим с учетом сложившегося правового процессуального регулирования вид судебного производства в котором возможно рассмотреть заявление о владельческой защите.

Претор был наделен судебной властью. У нас же в соответствии со ст.118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется судом, в том числе посредством гражданского и арбитражного судопроизводства [17]. Значит, посессорная защита, может быть осуществлена только в судебном порядке. Заметим, что ст. 264 Гражданского процессуального кодекса РФ [8] и ст. 218 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] предусматривают определенную возможность защиты владения путем установления судом фактов, имеющих юридическое значение. Вместе с тем Гражданский процессуальный кодекс РФ должным образом не регламентирует процедуру рассмотрения посессорных исков, а Арбитражный процессуальный кодекс РФ в п.3 ст.217 прямо говорит, что, если при рассмотрении дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, выясняется, что возник спор о праве, арбитражный суд оставляет заявление без рассмотрения [3].

И так нам остается рассмотрение спора в исковом производстве, причем исковое заявление может быть рассмотрено в упрощенном порядке. В пользу обозначенного довода, можно привести тот аргумент, что ст.232.2. Гражданского процессуального кодекса РФ допускает возможным рассмотрение в упрощенном порядке дел по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает двести пятьдесят тысяч рублей [8]. Правда аналогичной нормы не содержит Арбитражный процессуальный кодекс РФ, но п.3 ст. 217 Арбитражного процессуального кодекса РФ предусматривает, что судья, оставляя заявление без рассмотрения, разъясняет в определении заявителю и другим

заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства [3]. Поэтому достаточно будет дополнить ст.232.2 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст.227 Арбитражного процессуального кодекс РФ пунктом о рассмотрении в упрощенном порядке дел по исковым заявлениям о защите владения. Рассмотрение посессорного иска в упрощенном порядке будет соответствовать принципам посессорной защиты и соблюдать интересы владельца, если возникнет вопрос о праве, то возможно перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Посессорный иск как специальный способ владельческой защиты должен быть и если ответчик в судебном процессе ведет себя пассивно, например, не является на судебные заседания, не представляет отзыва, и так далее, то суд должен рассмотреть дело с учетом выбранного истцом способа защиты и установленного предмета иска. Однако, если ответчик в посессорном иске поднимает вопрос о праве и в подтверждении своих доводов представляет соответствующие доказательства, то суд в порядке ст.56 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст.65 Арбитражного процессуального кодекса РФ должен их принять и дать им надлежащую правовую оценку.

Ценность посессорного иска для владельца заключается в возможности не доказывать свой титул на вещь при рассмотрении исковых требований, но если вопрос о праве поднят в посессорном процессе, то он должен быть рассмотрен судом. В поддержку нашего мнения приведем следующие аргументы. Прежде всего, отметим, что дополнительный судебный процесс, это дополнительные судебные издержки для сторон и в частности для проигравшей стороны. Второе обстоятельство, не секрет, что, не смотря на установление процессуальным законом сроков рассмотрения гражданских и арбитражных дел судами эти сроки зачастую судебными органами не соблюдаются. Поэтому мы имеем все шансы получить растянутую на

несколько лет судебную тяжбу, что неблагоприятным образом будет отражаться и на самом владельце. Рассмотрение в посессорном процессе и вопросов права все же несколько уменьшит процессуальные сроки. Правда в этом случае у сторон судебного процесса и суда могут возникнуть вопросы о подсудности. Так как мы согласились с тем утверждением, что владение это не право, а факт, то первоначально посессорный иск может быть предъявлен с соблюдением общих правил о подсудности. Между тем иски о правах на недвижимое имущество рассматриваются по правилам исключительной подсудности, определенной ст. 30 Гражданского процессуального кодекса РФ [8] и ст. 38 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], а именно по месту нахождения недвижимого имущества. Теоретически, процессуальное законодательство, предусматривает, что дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, но на практике мы можем получить диаметрально противоположную ситуацию. Поэтому, чтобы исключить двоякость в толкования и правопонимания необходимо будет Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ дополнить нормой, что иски о защите владения недвижимым имуществом предъявляются по правилам соблюдения исключительной подсудности. Полагаем, что это не будет нарушением логики правоприменительных органов, ведь стоит напомнить, что до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 №23 «О применении судами правил о залоге вещей» иски об обращении взыскания на недвижимое имущество предъявлялись в суд с соблюдением общих правил о подсудности [40].

Виндикационный иск доступен только собственнику. Лицо, обратившееся в суд с иском об истребовании своего имущества из чужого незаконного владения, должно доказать свое право собственности на имущество, находящееся во владении ответчика, что следует из ст.ст. 301,

302 Гражданского кодекса РФ, и п.36 разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 [37].

Со своей стороны, ст. 305 Гражданского кодекса РФ распространяет возможность защиты имущества и на владельцев, но лицо, утратившее фактический контроль над имуществом не является владельцем в связи с чем титульный владелец не имеет права на виндикационный иск, в подтверждении этого вывода можно привести Решение Арбитражного суда Оренбургской области по делу №А47-1550/2022 от 31.03.2023г. [46]. Однако, собственник после передачи вещи титульному владельцу может утратить к ней интерес. В таком случае заинтересованным лицом окажется непосредственно титульный владелец в связи с чем последнему также нужно предоставить возможность истребования имущества из чужого незаконного владения.

Владение, будучи внешним выражением принадлежности вещи к определенному лицу в случае совершения правонарушения, возможно, защитить в форме самозащиты. При этом самозащита по своей сути является первоначальной формой защиты владения.

Действующее законодательство не содержит специальной формы владельческой защиты. В судебной практике сформировалось прочное правило, основанное на нормах процессуального закона, подразумевающее обязанность истца, независимо от формы иска, доказывать свое право на вещь. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет утверждать, что построение в отечественном праве владельческой защиты по классическому образцу, подразумевающее деление исков на посессорный и петиторный является нецелесообразным. Поскольку современный судебный процесс объединил в себе и посессорный и петиторный иски.

Глава 3 Средства владельческой защиты

3.1 Добросовестное владение и приобретение как средства владельческой защиты

Легальное понятие добросовестности приводится в ст.302 Гражданского кодекса РФ в соответствии с которой под добросовестным приобретателем понимается лицо, не знающее об отсутствии права на отчуждение имущества лицом, у которого это имущество приобретается [6], то есть для целей главы 20 Гражданского кодекса РФ под добросовестностью понимается извинительное незнание лица об отсутствии права на отчуждение вещи, но и данное понятие мы считаем не полным, не отражающим все признаки добросовестности.

Помимо института добросовестного приобретателя Гражданский кодекс РФ [6] ввел в оборот институт давностного владельца. Давностное владение предполагает отсутствие титула владения на вещь у владельца. При этом, в соответствии со ст.234 Гражданского кодекса РФ признаками для давностного владения являются добросовестность, открытость и непрерывность [6]. Таким образом, гражданский закон выделяет двух различных субъектов владения добросовестного приобретателя и давностного владельца. Поэтому рассмотрим эти категории подробнее.

Решением Арбитражного суда Пермского края по делу №А50-22423/2018 от 23 октября 2018 года удовлетворены требования истца о признании права собственности на объект недвижимости однокомнатную квартиру, в силу приобретательной давности. Удовлетворяя требования, арбитражный суд первой инстанции отметил, что в материалах дела отсутствуют доказательства того, что истец завладел спорным имуществом против воли законного владельца [47].

С указанным выводом не согласились апелляционная и кассационная инстанции. В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа №А50-22423/2018 от 07 мая 2019 года отмечено, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Истец вступил во владение спорным имуществом как чужим, следовательно, такое владение независимо от своей продолжительности по смыслу ст. 234 Гражданского кодекса РФ не может привести к приобретению права собственности на спорное имущество, основания для удовлетворения иска отсутствуют [34].

Можно сказать, что с мнением Арбитражного суда Пермского края по делу №А50-22423/2018 солидарен Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, который рассматривая кассационную жалобу истца в Постановлении от 15.12.2020 по делу №А67-13778/2018 отметил, что добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности на данное имущество положениями ст. 234 Гражданского кодекса РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательной давности. Напротив, столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое, по общему правилу, требует формального основания и регистрации в публичном реестре [29].

Примечательно, что по обоим делам было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В рассматриваемом Арбитражным судом Пермского края деле №А50-22423/2018 квартира была передана истцу по акту приема-передачи.

Конечно, право собственности не возникает из акта-приема передачи, как собственно и из непосредственной передачи вещи. Однако акт приема-передачи составляется во исполнение возникших гражданских правоотношений, то есть является производным документом. Соответственно в деле №А50-22423/2018 суды должны были выяснить действительную волю истца, а также установить все имеющиеся фактические обстоятельства дела. Однако, судами этого сделано не было. В место этого суды апелляционной и кассационной инстанций, отменяя решения суда первой инстанции, только сослались на пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010, который под добросовестностью давностного владельца предполагает незнание отсутствия основания возникновения у него права собственности [37].

Между тем мы можем убедиться, что понятие добросовестный, используемый Гражданским кодексом РФ многосложен и его значение может варьироваться в зависимости от правовых целей его применения. Так, действующий Гражданский кодекс РФ презюмирует добросовестность участников гражданских правоотношений, она предполагается пока не доказано иное. Добросовестность является основополагающим принципом гражданского права, проникающим во все его институты. Так, в соответствии с частью 2 ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно [6].

Сложность в понимании сущности давностного владения и добросовестного приобретателя явилось основанием для рассмотрения вопроса о соотношении категории добросовестности Конституционным Судом Российской Федерации, который в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2020 №48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» отметил, что

изложенный в пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 критерий добросовестности отражает сложность добросовестности как оценочного понятия, допускающего ее различные проявления применительно к различным категориям дел [36].

Поэтому, требования истца по делу №А50-22423/2018 рассмотренное Арбитражным судом Пермского края подлежали удовлетворению. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд и Арбитражный суд Уральского округа, отказав ТСЖ в удовлетворении исковых требований, приняли не законные судебные постановления.

Со своей стороны, мы считаем, что трактовка критерия добросовестности в п.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010, не отражает действительный смысл заложенный законодателем. По нашему мнению речь должна идти не только об «извинительном незнании» владельца, но и о том, что владелец получил вещь во владение не противоправным способом, не нарушая закона. В этой связи, как нам представляется, более точен Б.Б. Черепашин, который говорит, «что давностный приобретатель в момент приобретения не должен знать о незаконности своего приобретения» [66 с. 163]. Именно если мы будем вести речь о незаконности приобретения, то тогда ст. 234 Гражданского кодекса РФ не будет резонировать со ст.302 Гражданского кодекса РФ, но также и с нормами права, закрепленными, например, в ст. 225, 227, 231 Гражданского кодекса РФ.

Так, в силу п.2 ст.225 Гражданского кодекса РФ право собственности на бесхозяйные движимые вещи может быть приобретено в силу приобретательной давности [6]. Владелец бесхозяйной движимой вещи доподлинно знает, что не является ее собственником. Схожий подход и в отношении объектов недвижимого имущества. По действующему законодательству право собственности на недвижимое имущество и подлежащее государственной регистрации возникает с момента такой

регистрации. Владелец не может не знать об отсутствии у него государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество. Заметим, что расширить действия приобретательной давности за счет случаев недобросовестного приобретения имущества предлагает и К.И. Скловский [57 с. 593].

Если к лицу, нашедшему вещь, применить термин «добросовестное владение» в той мере как он понимается в п.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 [37], то в этом случае у него не должно возникать право собственности на находку, так как он доподлинно знает, что у него отсутствует основание возникновения собственности, поскольку вещь ему перешла не от собственника. Однако, такое положение вещей будет прямо противоречить ст. 228 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей, что нашедший вещь приобретает право собственности на нее по истечению шести месяцев и если лицо, управомоченное получить найденную вещь, не будет установлено [6]. Между тем если говорить о законности приобретения, то в этом случае лицо нашедшее вещь приобретет право собственности в силу закона.

Выше мы уже говорили о различии критериев добросовестности применительно к правовым ситуациям приобретения имущества добросовестным приобретателем и давностного владения. И, поскольку были выявлены различные критерии у двух схожих участников гражданского оборота, то предлагаем рассмотреть остальные признаки добросовестного приобретателя и давностного владельца с целью выявить их характерные признаки. Отметим, прежде всего, общие признаки. Представляется, что не могут быть предметом права собственности, приобретенные в силу давности, равно как и приобретенные добросовестным приобретателем, вещи, изъятые из гражданского оборота или выбывшие незаконно от владельца [66 с. 162]. В противном случае появляется возможность в нарушение закона приобрести право собственности на имущество, которые могут принадлежать только

определенным лицам либо правонарушитель, вор, получит способ легализовать свое право на вещь, полученную незаконным способом. Совершенная сделка с таким имуществом является ничтожной, поэтому приобретатель такой вещи не будет признаваться добросовестным приобретателем.

Как добросовестный приобретатель, так и давностный владелец не являются фактическими собственниками вещи, но если первый имеет основания считать себя собственником, так как в основании приобретения имущества лежит сделка, то относительно давностного владельца, предполагается, что он знает об отсутствии у него основания возникновения права собственности. Заметим, что давностный владелец также может получить имущество по сделке, но фраза части 2 ст.234 Гражданского кодекса РФ «владеющее имуществом как своим собственным» [6] предполагает, что имущество не было ему передано по сделке не предполагающей переход права собственности. Например, не будет считаться давностным владельцем лицо получившее имущество во владение по договору аренды. Если по истечения срока аренды арендодатель не истребовал имущество обратно и арендатор продолжает пользоваться имуществом, договор аренды в силу ст. 610, 621 Гражданского кодекса РФ считается возобновленным на неопределенный срок [7]. Значит, у арендатора не возникнет такой важный элемент давностного владения как срок владения. Поскольку приобретение права собственности в силу давностного владения непосредственно увязано со сроком владения лица имуществом. В противовес этому, для добросовестного владельца не требуется срок, продолжительность владения, по истечении которого он получит право собственности на имущество. Право собственности добросовестному владельцу переходит с момента совершения сделки.

В судебном процессе каждая сторона должна доказать те обстоятельства на которые она ссылается. Таким образом, на собственника,

при виндицировании имущества, возлагается обязанность доказать вину приобретателя, которая будет заключаться в знании приобретателя о юридических фактах относительно правомочий другой стороны на совершение сделки. Подтверждение этого тезиса можно найти в части 6 ст.8.1. Гражданского кодекса РФ согласно которой приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным [6]. Если данные об объекте и правообладателе содержатся в государственных реестрах, и данные этих реестров относительно доступны, то приобретатель до заключения сделки должен их проверить и сделать выводы в целях заключения сделки.

В случае с давненным владением имуществом оно выбывает из его владения собственника, вследствие пассивного поведения самого собственника. Собственник утрачивает интерес к имуществу, не проявляя должной заботы об имуществе, не принимая меры к его охране и розыску. Но вместе с тем пока собственник не откажется от права собственности он продолжает таковым оставаться и считаться. Конечно, собственник может утратить интерес к имуществу вследствие долгих и бесплодных попыток отыскать его, в этом случае как раз и требуется от давностного владельца, чтобы он владел имуществом открыто и как своим. Если имущество будет сокрыто давностным владельцем, то элемент открытости владения будет отсутствовать, а, значит, такой владелец не будет признаваться давностным. Также в этом случае не начнет течь срок для давностного владения.

Напротив, от добросовестного приобретателя не требуется элемент открытости владения. Поскольку право на имущество добросовестному приобретателю перешло в результате сделки, то он будет считать себя добросовестным владельцем имущества. Чтобы оспорить данное право владения истцу потребуется доказать, что он является фактическим

собственником имущества и на отчуждение имущества у истца отсутствовала воля.

Институт *usucapio* как и добросовестное владение направлены на защиту права владения фактического владельца имущества. Анализ действующего законодательства и судебная практика показывают, что эти два способа защиты права имеют как схожие признаки, так и отличительные элементы, присущие только конкретному способу защиты права.

Институт *usucapio* способствует сохранению вещи в качестве объекта права для гражданского оборота. Давностный владелец, добросовестно владеющий чужой вещью как своей, не нарушая при этом прав третьих лиц, имеет право вести такую вещь в последующий гражданский оборот. Для этого ему требуется, по выполнении условий части 1 ст.234 Гражданского кодекса РФ легализовать свое право владение путем оформления права собственности на имущество.

В свою очередь институт добросовестного приобретателя направлен на сохранение стабильности гражданского оборота. Владелец вещи получает, при определенных условиях, защиту и от собственника имущества и в силу добросовестности приобретения становится собственником спорной вещи.

В продолжение возможности защиты добросовестного приобретателя рассмотрим подробнее норму ч.4 ст.302 Гражданского кодекса РФ [6]. В соответствии с указанной нормой, лицом имеющим право на виндикацию, является специальный субъект гражданского права под которым, в соответствии со ст.124 Гражданского кодекса РФ, понимается публично-правовая организация. Помимо специального субъекта на виндикацию норма ч.4. ст.302 Гражданского кодекса РФ [6] содержит специальный объект виндикации – жилые помещения, тогда как в силу ч.1 ст.302 Гражданского кодекса РФ объектом виндикации может выступать любое имущество, имеющее индивидуально-определенные признаки и при условии, что оно не ограничено в обороте.

По общему правилу, закрепленному в процессуальном законе, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Соответственно по общему правилу на добросовестного приобретателя возлагается обязанность доказать, что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества, что прямо находит свое подтверждение в п.п. 37, 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 [37]. Однако норма ч.4. ст.302 Гражданского кодекса РФ, переносит бремя доказывания того что ответчик знал о неправомерности сделки на истца, тем самым законодатель устанавливает презумпцию добросовестного приобретателя, которую истцу следует опровергнуть. При этом устанавливается объективный срок определения начала течения исковой давности - со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения [6]. В то время как по общему правилу, определенному ст.200 Гражданского кодекса РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права [6], то есть определение начала срока исковой давности носит субъективный характер.

В силу ч.3 ст.223 Гражданского кодекса РФ добросовестный приобретатель жилого помещения, в удовлетворении иска к которому отказано на основании ч.4 ст. 302 Гражданского кодекса РФ, признается собственником жилого помещения с момента государственной регистрации его права собственности [6].

Появление вышеуказанной нормы в Гражданском кодексе РФ объяснимо, так как объектом виндикации в рамках ч.4 ст.302 Гражданского кодекса РФ являются жилые помещения, а право на жилище закреплено в ст.40 Конституции Российской Федерации [17] и является важнейшим

социальным и экономическим правом человека. Поэтому предоставляя гражданам дополнительную защиту своих жилищных прав, законодатель тем самым реализует социальное назначение права.

Мы могли убедиться выше, в схожих правовых ситуациях, судебные инстанции принимают диаметрально противоположные судебные постановления. Проблема как нам представляется, заключается в том, что институт давностного владения не проработан в Гражданском кодексе РФ и находится в рассинхронизации с иными его нормами, обеспечивающих защиту прав владельца, в частности мы говорим о ст.302 Гражданского кодекса РФ. Свидетельством такого положения дел является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2020 №48-П. В свою очередь, еще Б.Б. Черепахин отмечал, что институт usucapio «имеет своей главной задачей покрыть давностью владения некоторые дефекты приобретения права собственности. В частности имеется ввиду добросовестное приобретение вещи от лица, не уполномоченного на ее отчуждение, если эта вещь похищена или утеряна и потому право собственности на приобретателя не переходит в порядке добросовестного приобретения» [66 с. 161].

Поэтому предлагаем дополнить норму ст. 234 Гражданского кодекса РФ нормой, в соответствии с положения ст.234 Гражданского кодекса РФ будут распространяться и на добросовестного приобретателя (ст.302 Гражданского кодекса РФ).

3.2 Виндикационный иск

В соответствии с ч. 1 ст.302 Гражданского кодекса РФ собственник или владелец имущества вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или владельцем, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем

помимо их воли [6]. Под указанной нами нормой права фактически подразумевается виндикационный иск являющийся особым вещно-правовым иском с помощью которого возможно гражданско-правовая защита вещных прав, при этом в силу прямого указания, содержащейся в самой норме, с помощью виндикационного иска возможна защита и владельческих отношений, т.к. ст.302 Гражданского кодекса РФ предоставляет право истребовать утраченное не по своей воле имущество и владельцу.

В соответствии со ст.304 Гражданского кодекса РФ собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения [6]. Под обозначенным способом защиты права понимается негаторный иск.

Положения о виндикационном и негаторном иске составляют основное содержание главы 20 Защита права собственности и других вещных прав Гражданского кодекса РФ. Учитывая данное обстоятельство, можно прийти к выводу, что законодателем, виндикационный и негаторные иски, определены как два основных способа защиты вещного права и владельческих отношений.

Между тем, если обратиться к негаторному иску и содержанию ст.304 Гражданского кодекса РФ, а потом противопоставить ей положения нормы ст.302 Гражданского кодекса РФ, то возможно сделать предположение что ст.304 Гражданского кодекса РФ является универсальной, т.к. в соответствии с ней собственник может требовать всяких нарушений его права. Тогда как ст.302 Гражданского кодекса РФ, предоставляя собственнику или владельцу при определенных условиях истребовать свое имущество назад, являет собой частный случай. А значит в гражданском законе для защиты вещного права достаточно одного вещного иска. Тем более что по нашему законодательству не допускается конкуренция исков, то есть неправильно выбранный способ защиты права приведет к отказу со стороны суда в удовлетворении требований истца о защите его нарушенного права. При

этом отсутствие второго конкурирующего иска избавит истца от необходимости обосновывать свой выбор способа защиты права.

Еще один немаловажный фактор, выступающий в пользу одного универсального негаторного иска, является исковая давность. Объективно, виндикационный иск уничтожается исковой давностью, то есть при пропуске исковой давности и наличия соответствующего ходатайства со стороны ответчика истцу в удовлетворении требований будет отказано. Вместе с тем ст.208 Гражданского кодекса РФ прямо предписывает, что на исковые требования истца, вытекающие из заявленного негаторного иска исковая давность не распространяется [6]. Получается, негаторный иск неподвержен исковой давности [10 с. 191], что является несомненным положительным моментом для тяжущегося истца.

Согласно ст.622 Гражданского кодекса РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество [7] соответственно при неисполнении указанной обязанности со стороны арендатора, арендодатель имеет право на предъявление исковых требований об обязанности арендатора вернуть имущество, являющегося предметом арендных правоотношений. Так как данное требование вытекает из обязательственных отношений, то и исковые требования будут обязательственного характера, а не вещно-правовые. В качестве примера данного укажем Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда по делу №А73-2647/2023 от 12 декабря 2023 года, который рассматривая спор о возврате имущества отметил, что исковые требования истца основываются не на предписаниях статьи 301 Гражданского кодекса РФ о виндикации, а на положениях статьи 622 Гражданского кодекса РФ о выполнении арендатором завершающей обязанности при прекращении правоотношений возвратить объект аренды [42].

Несколько изменим вышеприведенную правовую ситуацию и предположим, что арендатор по окончании договора аренды помещения его

не освободил и продолжает неправомерно удерживать помещение, выставил охрану, которая не пускает арендодателя. В этом казусе мы можем наблюдать нарушение прав арендодателя как владельца. Неправомерные действия со стороны арендатора привели к нарушению прав арендодателя свободно пользоваться предметом аренды.

Предъявление обязательственного иска основанного на ст.622 Гражданского кодекса РФ не восстановит временно утраченное господство над предметом аренды. Поскольку имущество изначально выбыло из владения арендодателя на законных основаниях, в результате заключения договора аренды имущества, то арендодатель не может предъявить виндикационный иск, так как он добровольно передал имущество арендатору, а, следовательно, несет определенные правовые риски, связанные с выбором своего контрагента.

Таким образом, арендодатель может защитить свое нарушенное право владение посредством предъявления негаторного иска. «Для удовлетворения негаторного иска не требуется доказательств вины ответчика, достаточно установления волевого характера его поведения. Объект требований по негаторному иску составляет устранение длящегося правонарушения, сохраняющегося к моменту предъявления иска» [58 с. 284].

Соответственно на истце, предъявившем негаторный иск, лежит обязанность доказать факт нарушения со стороны ответчика в препятствовании в пользовании имуществом и представить доказательства, подтверждающие обоснованность заявленного требования.

Обратим внимание, что в п.45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 разъяснено следующее обстоятельство, в силу статей 304, 305 Гражданского кодекса РФ иск об устранении нарушений права подлежит удовлетворению в случае, если истец докажет, что он является собственником или владельцем и что действиями ответчика, нарушается его право собственности или законное владение [37].

Арбитражным судом Томской области было принято решение от 05.07.2024 года по делу №А67-1791/2023 об отказе в удовлетворении исковых требований об устранении препятствий в пользовании имуществом [49]. Рассматривая дело, Арбитражный суд установил, что истец формально подошел к подписанию договора купли-продажи имущества, без визуального осмотра и фактической передачи предмета недвижимого имущества, на момент заключения договора купли-продажи имущество отсутствовало в натуре.

Ст.554 Гражданского кодекса РФ устанавливает требование об определенности предмета договора купли-продажи, помимо того что предмет должен быть в договоре максимально индивидуализирован и описан, данное требование означает еще и то обстоятельство, что отчуждаемая вещь должна существовать в натуре (реально) на дату совершения сделки. Поскольку данное условие в приведенном примере не было соблюдено, то Арбитражный суд Томской области, правомерно отказал истцу в удовлетворении заявленных исковых требований.

Вместе с тем, в судебной практике (п.45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 [37]) и научной доктрине негативный иск стал представлять собой «требование об устранении препятствий в осуществлении права, которые не связаны с лишением собственника или владельца права владения» [58 с. 282].

Таким образом, негативный иск в рамках действующего гражданского законодательства, не понимается как универсальный вещный иск, и имеет конкретную сферу своего действия – споры не связанные с фактическим лишением владельца права владения вещью. Поэтому негативный иск и виндикационный иск не соотносятся как род и вид, а каждый из них имеет свою конкретную область применения. Виндикационный иск будет нами рассмотрен ниже, поэтому сейчас не станем останавливаться на его анализе.

В продолжение развития нашей темы, заметим, что объектом виндикации выступают, как правило, движимые вещи или недвижимые в силу указания закона морские и воздушные суда, суда внутреннего плавания [10 с. 184].

В соответствии со ст.1 Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственная регистрация прав на недвижимое имущество - юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества. Зарегистрированное в едином государственном реестре недвижимости право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке [63].

Поэтому споры об истребовании недвижимого имущества из чужого незаконного владения по существу сводятся к спору о признании права или признании права невозникшим. Обозначенные виды исков относят к разновидностям негаторного иска [58 с. 281].

Рассмотрим иск о признании права отсутствующим. Данный иск предъявляется истцом в случае, когда право по существу на один и тот же объект зарегистрировано за разными лицами. Такое может иметь место в реальной жизни, например, в связи с тем, что объект недвижимости в государственном учете значится под различными адресами или в результате реконструкции и перепланировки объект меняет свое техническое описание, но фактически остается прежним объектом.

Когда право зарегистрировано на объект недвижимости за разными лицами заявлять виндикационный иск или иск о признании права не имеет смысла. Поскольку удовлетворение обозначенных исков не приведет к восстановлению нарушенного права истца.

Право истца также как и право ответчика зарегистрировано в установленном законом порядке в едином государственном реестре

недвижимости, поэтому заявлять еще один иск о признании права является нерациональным способом защиты права. Аналогично обстоит дело и с виндикацией недвижимости. Раз права собственника на недвижимое имущество зарегистрированы в едином государственном реестре недвижимости, то собственник не будет считаться утратившим владение.

Поэтому собственнику остается защититься путем предъявления иска о признании права собственности ответчика на объект недвижимости невозникшим. Подтверждение нашего вывода можно найти в Решении Арбитражного суда Томской области от 05.07.2024 года по делу №А67-1791/2023 [49].

В силу норм права российского гражданского законодательства право собственности на недвижимое имущество подлежит государственной регистрации.

Отсутствие записи информации о правообладателе на недвижимое имущество в едином государственном реестре недвижимости будет означать, что объект не имеет собственника или законного владельца. В свою очередь, владелец недвижимости, право собственности, на которую не зарегистрировано в установленном порядке не сможет ссылаться в защиту своего нарушенного права, на то, что он является единственным законным правообладателем этой недвижимости. В частности, по этой же причине, такому владельцу, будет отказано и в предоставлении владельческой защиты.

Вместе с тем в понимании права такое лицо будет признаваться владельцем недвижимого имущества. Одним из способов защиты права в соответствии со ст.12 Гражданского кодекса РФ является признание права [6], поэтому, для лица чье право на недвижимое имущество не зарегистрировано, правильным способом защиты права будет предъявление иска о признании права собственности.

Одним из случаев, когда лицо признается владельцем недвижимого имущества и между тем у него отсутствует титул собственника, является

давностное владение. В соответствии со ст.234 Гражданского кодекса РФ давностный владелец имущества может приобрести право собственности на это имущество [6]. Подтверждение данного вывода мы находим в пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 в котором разъяснено, что лицо, считающее, что стало собственником имущества в силу приобретательной давности, вправе обратиться в суд с иском о признании за ним права собственности [37].

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, который рассматривая кассационную жалобу истца в Постановлении от 15.12.2020 по делу №А67-13778/2018 отметил, что добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности на данное имущество положениями ст. 234 Гражданского кодекса РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательной давности. Напротив, столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое, по общему правилу, требует формального основания и регистрации в публичном реестре [29].

«Виндикационный иск – иск не владеющего вещью собственника к незаконно владеющему ее несобственнику» [10 с. 184].

Как усматривается из научного понятия виндикационного иска субъектом права на виндикцию обладает собственник вещи, утративший ее не по своей воле. Субъектом обязанности, ответчиком, будет выступать лицо, фактически владеющее вещью, но завладевшее ею не от собственника, выразившего свою волю на передачу вещи фактическому владельцу. Из этого получается, что на момент рассмотрения спора вещь должна находиться в фактическом владении ответчика, в противном случае виндикационный иск не подлежит удовлетворению со стороны суда. Словосочетание «незаконно владеющий» означает, что между истцом и ответчиком нет договорных,

обязательственных и иных правовых отношений, подтверждающих законность передачи вещи от истца к ответчику. В этом заключается другая особенность виндикационного иска. С помощью него нельзя истребовать вещь, если истца и ответчика связывают сделочные правоотношения. Вместе с тем если правоотношения прекратились, а владелец не возвращает вещь собственнику, то последний имеет право ее истребовать в порядке виндикационного иска. В качестве примера данного тезиса можно привести Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда по делу №А73-2647/2023 от 12 декабря 2023 года в рамках которого были удовлетворены требования арендодателя о возврате ему недвижимого имущества после прекращения срока действия аренды [42]. Давайте остановимся на деле №А73-2647/2023 и рассмотрим его подробнее. Основанием для предъявления виндикационных требований, послужило нарушение арендатором обязательства по возврату арендодателю объектов арендных отношений (недвижимого имущества) по окончании арендных отношений.

В силу части 2 ст.8.1.Гражданского кодекса РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр [6]. В рассматриваемом Шестым арбитражным апелляционным судом деле №А73-2647/2023 право собственности арендодателя никто не оспаривал, однако арендатор, ответчик, поднял вопрос, что стороны не согласовали объекты подлежащие передаче в аренду, потребовалось вызывать в судебный процесс свидетелей, что усложнило и привело к затягиванию судебного процесса [42]. Вместе с тем право собственности на имущество не прекращается при передаче его в аренду. Возможно только установления обременения в виде аренды (здесь и далее рассматриваются арендные правоотношения, подлежащие государственной регистрации в соответствии с действующим законодательством). Поскольку обременение отражается в виде записи в реестре прав на недвижимое

имущество, то по окончании арендных отношений достаточно предъявить иск о прекращении права аренды и аннулирования соответствующей записи в реестре прав на недвижимое имущество. Защитить и обосновать такие исковые требования легче по сравнению с петиторным иском, к которому относится виндикационный иск. В петиторном иске истцу нужно решить сложную задачу, доказать свое право собственности на вещь, при этом владелец не лишен права приводить в защиту своего владения различные доказательства. Как мы могли убедиться, в деле №А73-2647/2023 ответчик возражал против доводов истца, что объекты, указанные в договоре аренды фактически ему не передавались. Если по окончании аренды арендатор продолжает занимать недвижимое имущество арендодателя, несмотря на возражения последнего, то арендодатель вправе требовать предъявления к арендатору иска о выселении, являющимся негаторным иском.

Теперь мы можем перейти к объекту виндикационного иска. Со стороны ученых нет единого мнения относительно того, что может быть объектом виндикации. Данная проблематика сопряжена с вопросом определением объекта владения [19]. Между тем, Б.Б. Черепяхин указывает, что виндицировать можно как индивидуально определенную вещь определенную, так и вещь определенную родовыми признаками [66 с. 177]. Главное очертить и охарактеризовать вещь. Со своей стороны, Е.А. Суханов утверждает, что подлежит виндикации только индивидуально определенная вещь [10 с. 185]. Как видно, сходство взглядов ученых сводится к одному, объектом виндикации может быть только вещь и в соответствии с их рассуждениями не могут быть объектом виндикации например, имущественные. Мы согласны с этой логикой. Виндикационный иск – один из типичных вещных исков известных праву Юстиниана [53 с. 223], который не используется для защиты правоотношений, вытекающих из обязательств сторон или в спорах о признании права. Поэтому, рассмотрим вопрос возможности виндикации на примере истребования из чужого незаконного

владения бездокументарных ценных бумаг. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ, в отличие от Гражданского кодекса РФ содержит понятие владлец и понимает под ним лицо, указанное в учетных записях в качестве правообладателя бездокументарных ценных бумаг, либо лицо, которому документарные ценные бумаги принадлежат на праве собственности или ином вещном праве [64].

В соответствии с частью 1 ст. 149.3. Гражданского кодекса РФ правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе требовать от лица, на счет которого ценные бумаги были зачислены, возврата такого же количества соответствующих ценных бумаг [6].

В силу части 1 ст.128 Гражданского кодекса РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая бездокументарные ценные бумаги) [6]. Значит, объекты гражданских прав делятся на два вида: «вещи – материальные, физически осязаемые объекты» [9 с. 400] и иное имущество, не относящееся по своим признакам к первому виду, права требования, интеллектуальные права и так далее. Со своей стороны определение имущества носит собирательное понятие и является многозначным, что требует от правотолкователя каждый раз соотносить значение слова с конкретными жизненными обстоятельствами.

В силу ст. 302 Гражданского кодекса РФ законодатель предоставляет владельцу, право истребовать свое имущество из незаконного владения [6]. Если мы будем понимать для целей виндикации имущество в сравнении с тем как оно определено в ч.1. ст.128 Гражданского кодекса РФ, то получится, что виндицировать можно любое имущество, но только не материальную вещь. Вместе с тем законодатель упоминает о собственнике, а собственность это категория вещного права, которое позволяет только обладателю этого

права «определять характер и направления использования принадлежащего ему имущества» [10 с. 27]. Следовательно, если толковать все термины ст.302 Гражданского кодекса РФ во взаимосвязи между собой, то мы приходим к выводу, что виндицировать возможно вещь, над которой лицо имеет непосредственную власть.

В свою очередь системное толкование ст.149.3 и ст.302 Гражданского кодекса РФ позволяет сделать вывод, что законодатель не относит владение бездокументными ценными бумагами к вещным правам, используя для этого различные понятия субъектов права (правообладатель и собственник). Собственник в ст.2 Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ также упоминается, но применительно к документарным ценным бумагам, то есть вещам физическим, телесным, которые можно осязать и физически перемещать [64].

Подтверждение прав правообладателя на бездокументарные ценные бумаги служит запись в реестре регистратора о наличии у него на счете определенного количества ценных бумаг. С момента списания бездокументарных ценных бумаг со счета правообладателя он перестает быть таковым, а лицо, на счет которого ценные бумаги будут зачислены, станет новым правообладателем. Из этого следует, что в рамках ст.149.3. Гражданского кодекса РФ будет защищаться лицо, не владеющее и не являющееся правообладателем против правообладателя. В то время как в рамках виндикации защищается не владеющий собственник против фактического владельца. Дополнительно отметим, что учет прав на бездокументарные ценные бумаги ведется регистратором, следовательно, правообладатель может их фактически утратить против своей воли в нескольких случаях. Это в результате совершения противоправных действий по отношению к правообладателю, в случае порока воли правообладателя на отчуждение акций, вследствие технической ошибки регистратора. Во всех

перечисленных случаях защита правообладателя возможно или в рамках реституции или кондикционного иска.

Учитывая вышеизложенное мы можем заключить, что порядок защиты правообладателей, определенный в ст.149.3. Гражданского кодекса РФ является специальным по отношению к ст.302 Гражданского кодекса РФ и не может быть виндикацией [6].

Обратимся теперь к судебной практике. Рассмотрим как в ней реализуется механизм защиты правообладателей бездокументарных ценных бумаг и как это соотносится с виндикацией.

Арбитражный суд города Москвы 26 января 2023 года рассмотрел дело №А40-131105/2022 об истребовании из незаконного владения обыкновенных именных бездокументарных акций, прекращении права залога на них [45]. Обстоятельства дела таковы. Истец передал в доверительное управление ответчику акции, которые были переведены на лицевой счет ответчика. После расторжения договора доверительного управления акции не были зачислены на счет истца. Залогом акций было обеспечено исполнение истцом (залогодателем) обязательства из договора доверительного управления по выплате вознаграждения ответчику (доверительному управляющему). Арбитражный суд удовлетворил требования истца и постановил истребовать из незаконного владения бездокументарные акции, обязать внести в реестр владельцев ценных бумаг запись о списании бездокументарных акций с лицевого счета «ДУ» ответчика и зачислении их на лицевой счет истца, внести запись в реестр владельцев ценных бумаг о прекращении залога обыкновенных именных бездокументарных акций [45].

Таким образом, Арбитражный суд города Москвы в деле №А40-131105/2022 истребовав из незаконного владения бездокументарные ценные бумаги [45], применил ст.302 Гражданского кодекса РФ и в качестве субсидиарной нормы применил ст.149.3 Гражданского кодекса РФ [6]. Заметим, что помимо существовавшего между истцом и ответчиком

правоотношения по доверительному управлению имуществом их правоотношения были дополнены залоговым правоотношением. Арбитражный суд города Москвы право залога прекратил, обязав внести соответствующую запись в реестр владельцев ценных бумаг. Очевидно, если бы решение Арбитражного суда об истребовании акций было бы списать акции со счета ответчика и зачислить их на счет истца, а также внести в реестр запись о прекращении права залога, то его решение соответствовало действующему законодательству. Статья 149.3 Гражданского кодекса РФ вывела в отдельное регулирование вопросы защиты правообладателей, со счетов которых были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, тогда как до ее введения в действие права таких лиц по аналогии закона защищались по сходным правилам ст. ст. 301 и 302 Гражданского кодекса РФ [6]. Между тем, Арбитражный суд рассмотрел дело №А40-131105/2022 [45] с позиции вещного права, применяя при этом, например такие правовые категории как собственник, под которым, как мы знаем, в законодательстве о ценных бумагах понимается владелец документарных ценных бумаг. Постановив, истребовать из чужого незаконного владения бездокументарные ценные бумаги Арбитражный суд города Москвы в деле №А40-131105/2022 [41] не правомерно применил к сложившемуся правоотношениям нормы Гражданского кодекса РФ о виндикации.

Обратимся к еще одному делу. Арбитражный суд Пермского края в деле №А50-18611/2023 рассмотрел иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации об истребовании в пользу Российской Федерации государственного имущества в виде обыкновенных акций из чужого незаконного владения. Решением Арбитражного суда Пермского края по делу №А50-18611/2023 от 12 сентября 2023 года истребованы в пользу Российской Федерации обыкновенные акции АО «Метафракс Кемикалс», также суд постановил, что решение является основанием для зачисления акций на лицевой счет Федерального агентства по управлению

государственным имуществом [48]. Как видно в данном деле при защите интересов Российской Федерации не использовалась виндикация, а применены специальные нормы права. Разрешая дело №А50-18611/2023 Арбитражный суд Пермского края, применил в конкретной ситуации требующий применению способ защиты права [48].

Правило о том, что виндцировать можно только *res corporales*, как мы знаем, сложилось исторически, под влиянием взглядов юристов Древнего Рима и его гражданского оборота. Между тем современный гражданский оборот разительно отличается от жизни в Древнем Мире, появилась электронная регистрация прав, документ может существовать в виде электронного образа. Право узнало такие новые объекты, как цифровые права, криптовалюта, бездокументарные ценные бумаги, которые также нуждаются в обеспечении правовой защиты. Если право не может предоставить защиту сообразно характеру и виду сложившихся правоотношений, участникам их, не должно быть отказано по этому мотиву со стороны правоприменителя, в лице судебной власти. Однако если существующие способы защиты права позволяют потерпевшему восстановить свое нарушенное право, то они должны быть применимы в первую очередь. Полагаем, что аналогичных рассуждений придерживались советские ученые правоведы, считавшие возможным виндцировать любую вещь определенную как родовыми, так и индивидуальными признаками.

Как мы могли убедиться из настоящего раздела нет единого понимания что может быть объектом виндикации виндикации как среди ученых, так и судебных органов. При одном и том же основании иска суды выносят различные решения, в которых применяется как специальный способ защиты, так и общие положения ст.302 Гражданского кодекса РФ. Осложняет положение использование Гражданским кодексом РФ различной терминологии применительно к объектам гражданских прав. В соответствии со ст.128 Гражданского кодекса РФ под вещами понимаются - *res corporales*,

телесные вещи, остальные объекты прав отнесены к категории иное имущество. Однако в дальнейшем Гражданский кодекс РФ активно использует термин «имущество». Например, в соответствии, со ст.606 Гражданского кодекса РФ арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество, а ст.607 Гражданского кодекса РФ уточняет, что объектом аренды могут быть непотребляемые вещи [7].

В связи с чем предлагаем, определить объект виндикации в Гражданском кодексе РФ, для чего дополнить его ст.301.1 бланкетного характера, в соответствии с которой объектом виндикации может быть имущество, указанное в ст.607 Гражданского кодекса РФ.

3.3 Кондикционный иск

Посредством виндикационного иска владелец восстанавливает владение своим имуществом, тогда как путем предъявления требования о взыскании неосновательного обогащения ввиду невозможности виндикации имущества защищает свое имущественное право на получение компенсации в виде действительной стоимости этого имущества.

В силу статьи 301 Гражданского кодекса РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения [6]. Согласно разъяснений, изложенных в пункте 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010, применяя статью 301 Гражданского кодекса РФ, судам следует иметь в виду, что собственник вправе истребовать свое имущество от лица, у которого оно фактически находится в незаконном владении. Иск об истребовании имущества, предъявленный к лицу, в незаконном владении которого это имущество находилось, но у которого оно к моменту рассмотрения дела в суде отсутствует, не может быть удовлетворен [37].

В соответствии со ст.1103 Гражданского кодекса РФ нормы института о неосновательном обогащении применяются субсидиарно также к требованиям:

- о возврате исполненного по недействительной сделке;
- об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения;
- одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством [7].

Невозможность восстановления права владения в рамках обозначенных исковых требований будет являться основанием заявления требований о взыскании неосновательного обогащения. Также кондикционные требования могут носить характер самостоятельных и опосредованных требований.

Рассмотрим, как требования о неосновательном обогащении будут соотноситься с некоторыми правовыми ситуациями, вследствие которых они предъявляется заинтересованной стороной.

Соотношение кондикции и иска о реституции. Требование о реституции может быть заявлено только сторонами обязательства. В силу действующего гражданского законодательства РФ оспоримая сделка недействительна с момента признания таковой судом. При недействительности сделки происходит возврат сторонами имущества ранее полученного по сделке. Из ч. 1 ст.1102 Гражданского кодекса РФ следует, что лицо, которое без оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет потерпевшего, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество [7]. Буквальное толкование ч. 1 ст.1102 Гражданского кодекса РФ позволяет сделать вывод, что нормы института о неосновательном обогащении допускают возникновения права на имущество у приобретателя из неосновательного обогащения. Таким образом, кондикционный иск является требованием о защите права [57 с. 830]. В свою очередь недействительная сделка не влечет

юридических последствий. При недействительности сделки происходит возврат всего ранее полученного, по сделке.

В силу части 2 ст.167 Гражданского кодекса РФ если сторона не может возвратить в натуре полученное по сделке, она обязана возместить ее стоимость [6]. Например, в рамках заключенного сторонами договора купли-продажи продавец передал покупателю транспортное средство. Покупатель его оплатил. В дальнейшем договор признан недействительным. Стороны обязаны возвратить ранее полученное имущество друг другу. Продавец возвращает покупателю денежные средства, покупатель транспортное средство, но в момент нахождения у покупателя транспортное средство погибает. Покупатель не в состоянии исполнить обязательство по возврату транспортного средства, на его стороне возникает неосновательное обогащение, так как продавец со своей стороны возвратил покупателю денежные средства. Поэтому у потерпевшего и появляется право на предъявление к покупателю требования о неосновательном обогащении. Размер неосновательного обогащения будет равняться цене сделки, так как обогащается всегда одна сторона «одновременного неосновательного обогащения обеих сторон не может быть» [57 с. 831].

При этом возникает правовая ситуация когда исполнение обязательства фактически заключается в обмене бывшими сторонами сделки денежными средствами. Продавец возвратил денежные средства, исполняя решения суда о реституции, а покупатель, исполняя решение суда о неосновательном обогащении. Возникает закономерный вопрос, имеет ли право продавец, не предъявляя кондикционного иска оставить ранее полученные денежные средства по договору у себя и тем самым получить удовлетворение своего нарушенного интереса, в рамках зачета.

В соответствии со ст.410 Гражданского кодекса РФ зачет это односторонняя сделка, для которого необходимо и достаточно заявления одной стороны. Заявление о зачете должна получить другая сторона сделки.

Юридически значимые сообщения, влекущие гражданско-правовые последствия для лица должны быть доставлены этому лицу в соответствии со ст.165.1 Гражданского кодекса РФ. Если заявление о зачете не будет доставлено, значит, правовые последствия не возникнут [6]. Таким образом, для зачета требуется волеизъявление одной из сторон, а также обязательное получение такого заявления контрагентом. Данный тезис находит свое подтверждение в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу №А07-39691/2022 от 06 марта 2024 года.

В связи с чем, следует, признать, что в отсутствие заявления о зачете и его получения контрагентом, в рамках иска о кондикции, вытекающего из требования о признании сделки недействительной, стороны фактически будут обмениваться денежными средствами.

С момента заключения сторонами договора, они считаются обязанными друг перед другом в соответствии с условиями и характером возникшего между ними обязательства.

В соответствии с частью 4 статьи 453 Гражданского кодекса РФ стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон [6].

Если одна из сторон договора передала другой стороне имущество, то контрагент при расторжения договора, вправе истребовать свое имущество назад в рамках норм института о неосновательном обогащении. Нормы права о реституции или виндикации в случае расторжения договора не будут применяться.

Иск о реституции предъявляет в случае недействительности сделки, когда сделка нарушает закон или в ней имеется порок, но стороны расторгают договор, обладающий юридической силой и потому обязывающих их действовать в соответствии с его условиями. Виндикацией истребуется имущество из чужого незаконного владения. Но как мы

отметили, до расторжения договора, его условия были для сторон юридически обязательными. Поэтому сторона получившая имущество, получила его на законных основаниях. Вместе с тем право собственности приобретателю передано от управомоченного лица, которое на момент заключения сделки владело имуществом на законных основаниях. В силу ч.1 ст. 235 Гражданского кодекса РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам. Поэтому, с момента заключения договора на приобретателя перешло и право собственности, а прежний собственник по собственной воле и на законных основаниях утратил это право [6].

Более того, поскольку сделка заключена она, стало быть, обладает юридической силой. Соответственно субъект сделки, может в дальнейшем свободно распоряжаться имуществом, получившим его в свое владение. Так субъект сделки может в свою очередь продать имущество третьему лицу. При этом, на третье лицо перейдет право собственности.

Таким образом, предыдущий собственник, утратив юридическую связь с имуществом, в результате совершения законной сделки, не имеет право на предъявления виндикационного иска, но поскольку его контрагент, до расторжения сделки не исполнил свою обязанность на его стороне возникает необоснованное увеличение капитала, обогащение за счет третьего лица. Между тем в силу ч. 4 ст.1 Гражданского кодекса РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [6].

Поэтому в силу ч. 4 ст.453 Гражданского кодекса РФ при расторжении договора к отношениям сторон могут применяться правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения [6].

При этом, поскольку, кондикционное обязательство возникло из сделки, то стороны при заключении соглашения о расторжении договора могут это обязательство новировать или заключить отступное.

Рассмотрим предъявление кондикционного требования лицом, не являющимся стороной обязательства.

Перечислим обстоятельства, которые истец, собственник имущества, должен будет доказать в судебном процессе если он обращается с требованиями к ответчику о взыскании неосновательного обогащения ввиду невозможности истребовать имущество в натуре:

- размер стоимости имущества;
- факт наличия у него права собственности на имущество;
- незаконность приобретения имущества ответчиком и его утрату на момент рассмотрения спора.

При этом основанием заявления требований о взыскании неосновательного обогащения является невозможность восстановления права собственности в результате предъявления виндикационного иска.

Причины, по которым собственник не может виндицировать свою вещь, могут быть различными, это и преобразование имущества, его гибель. По общему правилу собственник должен обосновать предъявления иска о неосновательном обогащении вместо виндикационного требования.

Рассмотрим пример из судебной практики. Арбитражным судом Красноярского края рассматривалось дело № А33-33497/2023 от 13 ноября 2024 года по иску прокурора Красноярского края в интересах Российской Федерации о взыскании с ООО «Новоостровский» неосновательного обогащения. В деле прокурор последовательно доказывал, что земельные участки незаконно выбыли из собственности Российской Федерации; первоначальные земельные участки преобразованы; обременены многочисленными правами третьих лиц, поэтому к сложившимся правоотношениям должны быть применены нормы о неосновательном обогащении. Ответчик, возражал, утверждал, что последствиями недействительности сделок является реституция. Решением Арбитражного суда Красноярского края от 13 ноября 2024 года исковые требования

удовлетворены. Удовлетворяя требования, арбитражный суд сослался на ч.1 ст.1105 Гражданского кодекса РФ и дополнительно отметил, что возмездность совершенных ответчиками сделок по приобретению спорных земельных участков не влияет на возможность восстановления Российской Федерацией её имущественного права на получение компенсации в виде действительной стоимости утраченного имущества [44]. Указанное решение Арбитражного суда Красноярского края подтверждает доводы, изложенные нами в настоящем разделе.

Кондикционный иск является важным способом защиты права. Являясь по своей природе петиторным иском он ставит перед владельцем, прежде всего обязанность по доказыванию своего права не имущество, находящееся у приобретателя, а это в ряде случаев может оказаться трудной задачей. Как нами было показано выше, приобретатель имущества может являться законным владельцем имущества. Причем право на имущество такому владельцу могло перейти от самого предыдущего владельца. В связи с этим у него будут отсутствовать дополнительные правомочия, предоставляемые ст. 234, 302 Гражданского кодекса РФ собственнику против давностого и добросовестного владельца соответственно. В свою очередь новый владелец (приобретатель) будет наделен более широким набором средств защиты против предъявленного иска о кондикции. Так, например, в деле № А33-33497/2023, рассмотренном Арбитражным судом Красноярского края новый владелец утверждал, что к правоотношениям применимы нормы о реституции, а это в свою очередь сказывается на порядке начала исчисления срока исковой давности [44].

Чтобы минимизировать возможные правовые риски, связанные в частности с расторжением договора, по которому произведено исполнение одной из сторон, указывать порядок и сроки возврата полученного по сделке, а также отражать санкции за неправомерное неисполнение обязанности. Если на момент расторжения договора имущество будет уже отсутствовать во

владении, то целесообразно включать условия об отступном. И конечно не забывать о сроках исковой давности.

3.4 Иск о реституции

В Древнем Риме «действие реституции заключалась в том, что она лишала силы факт, приведший юридические отношения к существующему состоянию, и восстанавливала прежнее состояние этих отношений» [53 с. 85]. Реституция была самостоятельным юридическим способом, с помощью которого можно было уничтожить неблагоприятные для истца юридические последствия, являющиеся следствием существующего правоотношения или правового положения лица.

В современном российском законодательстве реституция утратила свои первоначальные исторические функции. Сейчас реституция - это механизм возврата сторонами всего полученного по недействительной сделке, если такая сделка признается судом недействительной.

В соответствии с частью 2 ст.167 Гражданского кодекса РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. В соответствии с ч.3 ст.307.1 Гражданского кодекса РФ общие положения об обязательствах применяются к нормам Гражданского кодекса РФ о реституции [6].

Из этого можно сделать вывод, что признание сделки недействительной не влечет одномоментного восстановления положения сторон, существовавшего до нарушения права, а из нее возникают самостоятельные обязательства сторон, которые и являются реституцией - обязанность по возврату переданного ранее имущества во исполнение сделки признанной недействительной. Подтверждением этому, мы находим в

ст.1103 Гражданского кодекса РФ, которая распространяет действие своей нормы о возврате неосновательного обогащения на реституцию [7].

Поскольку применение реституции является результатом признания судом сделки недействительной, то мы принуждены, затронуть тему недействительности сделок.

Действующее законодательство определяет ограниченный круг субъектов, уполномоченных на предъявление требований о признании сделки недействительной. Это имеет важное практическое значение. Если владелец вещи не является стороной по сделке, у него отсутствует материальное основание на предъявление требований о признании сделки недействительной. «Чтобы все же дать возможность собственнику заявить иск о своем праве на возврат на имя собственника, а не стороны в сделке, нужно, значит, решительно выйти из рамок ст.167 Гражданского кодекса РФ» [57 с. 807]. В п.34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 разъяснено, что в случаях, когда между лицами отсутствуют договорные отношения или отношения, связанные с последствиями недействительности сделки, спор о возврате имущества собственнику подлежит разрешению по правилам статей 301, 302 Гражданского кодекса РФ [37].

Одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей является сделка. В соответствии с ч.2 ст.1 Гражданского кодекса РФ граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе [6]. Следовательно, сделка заключается стороной, прежде всего для удовлетворения своих различных имущественных и неимущественных интересов. Гражданский кодекс РФ среди способов защиты гражданских прав называет восстановление положения, существовавшего до нарушения права и применения последствий признания сделки недействительной.

В случае если субъект сделки обнаруживает, что сделка имеет в себе порок, не соответствует иным условиям, позволяющим квалифицировать сделку как действительную, то он просит признать недействительным непосредственно сделку, тем самым защитить и восстановить свой нарушенный интерес.

При заключении сделки между ее сторонами складываются относительные гражданские правоотношения, и они носят обязательственный характер. Поэтому, например, на основании заключенного договора аренды, владелец имущества, арендодатель, обязуется передать арендатору имущество во исполнение своих возникших обязательств. Если в дальнейшем договор аренды будет признан недействительным, то в качестве последствий недействительности сделки суд возложит на арендатора обязанность возвратить арендодателю переданное ранее имущество. В качестве подтверждения приведенной ситуации укажем Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-14413/2023 от 07 декабря 2023 года [41]. Вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что путем признания сделки недействительной защищается в первую очередь интерес стороны в сделке, но само по себе признание сделки недействительной не приведет к защите и восстановлению нарушенного права истца, так как это только разорвет имеющуюся юридическую связь сторон по сделке. Необходимы последствия, которые, раз нет больше юридической связи, направлены на возвращение сторон в первоначальное положение если иные последствия не определены законодательством или не установлены судом. Это и есть реституция. Поэтому, при наличии сделки обладающей юридической силой, требование о реституции не может быть заявлено стороной сделки, так как для этого отсутствуют материально-правовые основания.

Основанием для признания сделки недействительной будут являться пороки самой сделки. В деле №А33-14413/2023, рассмотренном

Арбитражным судом Красноярского края 26 сентября 2023 года договор аренды признан недействительным по причине нарушения требования закона [43]. Поэтому не будут служить основанием для признания сделки недействительной нарушения стороной сделки порядка владения имуществом, переданного ей во владение другой стороной во исполнение условий сделки. В этом случае, потерпевшая сторона имеет право, например, на иск о досрочном расторжении договора или на самозащиту. Более подробно мы об этом писали в главе 2 настоящей работы. Признание сделки недействительной не оказывает влияния на вещь, она исключает дальнейшее воздействие лица на вещь и возрождает прежние права на вещь.

Требование о виндикации вещи истец вправе заявлять только к лицу, владеющему вещью. Если на момент рассмотрения требования ответчик не является владельцем, то суд, в удовлетворении исковых требований истцу откажет. Совсем по-другому дело обстоит при реституции. Здесь неважно является ответчик владельцем или уже вещь была им отчуждена третьим лицам. При иске о реституции истца и ответчика ранее связала недействительная сделка. Во исполнение этой сделки стороны передали друг другу имущество. Это имущество и подлежит обратно возврату в рамках иска о реституции. Если ответчик не может вернуть ранее полученное имущество в натуре по какой-либо причине, он обязан возместить его стоимость, что следует из части 2 ст.167 Гражданского кодекса РФ. Представляется, что компенсационная стоимость равняется цене, ранее установленной в сделке, поскольку действующее законодательство исходит из свободы договора определения сторонами цены договора.

Таким образом, реституционные требования доступны только сторонам сделки. Лицо, не являющееся стороной сделки, имеет право на защиту своих нарушенных интересов путем предъявления иска о виндикации. Предъявление иска лицом, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности должно рассматриваться как

исключение из общего правила, при этом лицо заявляющее соответствующее требование должно доказать что защита его прав возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки, что следует из п.78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Вместе с тем следует отметить, что право на признание сделки ничтожной в силу п.2 ст.168 Гражданского кодекса РФ принадлежит собственнику вещи, которая выбыла из его владения помимо его воли, несмотря на то обстоятельство что он не является стороной ничтожной сделки [39]. В тоже время, если данный субъект заявит иск о реституции, то суду надлежит отказать ему в удовлетворении требований, так как возврат имущества в рамках реституции производится между сторонами сделки. А раз, собственник вещи, которая выбыла из его владения не является стороной ничтожной сделки, то применение реституции не восстановит его нарушенных прав.

Раздел иска о реституции завершает настоящую исследовательскую работу. Ранее, мы рассмотрели такие видов исков в рамках которых возможна владельческая защита как виндикационный и кондикционные иски. Иск о реституции схож с указанными исками. Усиливает проблематику и то обстоятельство, что при признании сделки недействительной у сторон отпадает правовое основание во владении имуществом. С первого взгляда при признании сделки недействительной возникает основание для предъявления кондикционного иска. В то же время есть основание и для предъявления виндикационного иска, так как с момента признания сделки недействительной владелец будет считаться незаконно владеющим лицом.

Вместе с тем наше законодательство не допускает выбора применения потерпевшим лицом возможных вещно-правовых и обязательственных способов защиты нарушенных гражданских прав разновидностей

гражданско-правовой защиты конкуренции исков [10 с. 181], то есть у нас имеется запрет на конкуренцию исков.

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим отличительные черты иска о реституции от иска о виндикации и кондикционного иска, позволяющие определить данный вид иска как самостоятельный иск в целях владельческой защиты.

Основным отличительным признаком реституции является то, что этот иск основан на ранее существовавшей между истцом и ответчиком сделке. Реституция является дополнительным требованием по отношению основного иска о признании сделки недействительной. В это же время виндикационные и кондикционные иски являются самостоятельными исками между истцом и ответчиком не существовало обязательственных и личных отношений основанных на сделке.

Реституция носит двусторонний и взаимный характер. Бывшие стороны сделки одновременно выступают и как кредитор и как должник в отношениях по возврату имущества. Их воля изначально была направлена на совершение сделки и заключалась в передаче и получении определенного имущества. Тогда как при неосновательном обогащении у потерпевшего отсутствовала воля на совершение сделки, приобретатель, завладевает имуществом потерпевшей стороны без установленных законом или сделкой оснований.

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, в то время как представить на практике ситуацию, что неосновательное обогащение одновременно возникло у обеих сторон довольно сложно. В силу части 4 ст.1109 Гражданского кодекса РФ не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения имущество, предоставленное во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества [7]. Вместе с тем «реституция, то есть материальные последствия недействительности

сделки, возникают только для исполненных (хотя бы частично) сделок, причем только, если исполненное состояло в передаче вещей» [57 с. 830].

Между тем на практике могут иметь место случаи, когда исполнение по признанному недействительным договору осуществила одна сторона. Полагаем, что и в этой ситуации не правильно будет вести речь о неосновательном обогащении, так как изначально между сторонами существовало материально-правовое отношение.

Реституция служит основанием для защиты личных интересов сторон, так как является следствием признания сделки недействительной. В свою очередь посредством кондикционного иска защищаются непосредственно владельческие права, так как имущество поступает во владение или собственность приобретателя и истребуется у него как у владеющего не собственника. Основанием для предъявления иска о реституции всегда должно служить ранее существовавшие договорные отношения и признанные судом в последствие недействительным. «Нормы о неосновательном обогащении становятся применимыми, если отношения по поводу вещи затрагивают третьих лиц» [57 с. 824].

Существуют научные взгляды, что иск о реституции лишь предопределяет судьбу вещи, непосредственное истребование, которое происходит путем предъявления истцом виндикационного иска [58 с. 278]. Нам представляется такая точка зрения не верной. Реституционный иск и виндикационный иск в рамках действующего законодательства являются самостоятельными исками. Они имеют различное материально-правовое основание, различный круг субъектов права и специфику в доказывании обстоятельств дела. Так, субъектом права на виндикацию является собственник вещи, ответчиком по иску будет незаконный владелец, в фактическом владении которого находится вещь. Объектом виндикации может быть только сохранившаяся в натуре вещь [10 с. 184]. Как видно иск о виндикации как и кондикционный иск служит для защиты права владельца.

При этом в рамках виндикации истец должен обосновать и доказать свое право владения на виндицируемую вещь. В противовес этому при реституции вопрос о праве не поднимается и судом не рассматривается. Виндицировать собственник вправе только у лица, у которого вещь на момент рассмотрения иска находится, то есть у фактического владельца, при выбытии вещи собственник утрачивает право на удовлетворение исковых требований.

Приведем следующий аргумент, в качестве обоснования нашей точки зрения, что фактическое исполнение решения суда о применении реституции не должно обеспечиваться предъявлением последующего иска о виндикации. В рамках рассмотрения требования о реституции «не принимается во внимание добросовестность поведения лица, получившего вещь по недействительной сделке» [9 с. 511]. Вместе с тем вопрос о добросовестности владельца имеет правоопределяющее значение в виндикационном иске. Добросовестный приобретатель получает право на защиту своего владения против собственника. Поскольку вопрос о добросовестности приобретателя в рамках иска о реституции не рассматривался, то в этой части решение суда не будет иметь преюдициального значения. Кроме того в рамках иска о реституции не поднимался вопрос и о праве собственника на вещь. Соответственно, суд, рассматривающий виндикационный иск, заявленный в целях исполнения реституционного иска, должен будет рассмотреть указанные вопросы. Между тем, преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности. Но итогом рассмотрения такого виндикационного иска, может оказаться отказ судом в удовлетворении исковых требований. В результате, решение суда, которым удовлетворены реституционные требования, окажется неисполняемым.

И так, следствием реституции является обязанность возврата действующим владельцем имущества прежнему владельцу. Эта обязанность

не является встречной и не поставлена в зависимость от исполнения сторонами сделки, по возврату ранее переданного имущества, друг от друга. Поскольку решением суда сделка признана недействительной, то правовым результатом является прекращение всех юридических обязательств, порожденных сделкой. Поэтому имущество подлежит возврату без всяких условий во исполнение решения суда. Из этого следует главное отличие иска о реституции от других способов защиты владельческих прав. Иск о реституции всегда является следствием признания судом сделки недействительной и возможен только между ее бывшими сторонами. В это же время виндикационные и кондикционные иски являются самостоятельными исками между истцом и ответчиком не существовало обязательственных и личных отношений основанных на сделке.

В свою очередь, мы предлагаем истцу при заявлении иска о реституции заявлять требование о взыскании судебной неустойки. Данное требование будет побуждать ответчика к своевременному исполнению обязательства ответчика по возврату вещи истцу - прежнему владельцу вещи. Установление такой судебной неустойки, в частности предусмотрено части 1 ст.308 Гражданского кодекса РФ [6], части 4 ст.174 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3].

Отсутствие специальной формы владельческой защиты приводит к смешению существующих в настоящее время в Гражданском кодексе РФ исковых форм защиты владельца. Несмотря на то, что наше гражданское законодательство не допускает конкуренции исков, это не означает, что неправильно выбранная форма защиты не будет являться следствием отказа в удовлетворении исковых требований.

Виндикационный иск характеризуют четыре признака:

- истребуемая вещь должна принадлежать истцу на праве собственности или ином законном праве;
- фактическая утрата владения вещью;

- возможность индивидуализировать вещь и тем самым обособить ее от других однотипных вещей, находящихся у ответчика;
- на момент рассмотрения спора о виндикации ответчик должен быть владельцем вещи.

Если отсутствует один из перечисленных признаков иск о виндикации не подлежит удовлетворению со стороны суда.

Заслуживающим внимание, на наш взгляд, по этому поводу представляет решение Арбитражного суда Челябинской области от 23 мая 2024 года по делу А76-31729/2023, в котором указано, что объектом виндикации могут быть вещи, которые отвечают критериям индивидуально-определенных вещей, денежные средства в силу своей правовой природы не обладают такими признаками. В связи с чем в исковых требованиях о виндикации денежных средств было отказано [50].

Вместе с тем недействительность сделки, не свидетельствует сама по себе, что имущество выбыло из владения прежнего владельца помимо его воли. При недействительности сделки, мы ведем речь об оспоримых сделках, в судебном процессе должна быть выяснена и доказана воля собственника на передачу владения.

Наличие договорных связей между прежним и текущим собственником свидетельствует об относительности этих отношений. Значит, восстановление права должно происходить в рамках обязательственных отношений. В свою очередь виндикационный иск предъявляется при абсолютных отношениях. Когда истца и ответчика не связываю сделочные обязательства.

Поэтому владение может защищаться как обязательственными, так и вещными исками. Определяющим моментом будет выступать вид гражданско-правовой связи между собственником и владельцем вещи. Неправильно выбранная форма защиты может являться следствием отказа в удовлетворении исковых требований.

Заключение

Имущественные отношения являются основным предметом гражданского права. Одной из форм имущественных правоотношений в сфере частного права являются вещные правоотношения, но нормы о вещном праве в Гражданском кодексе РФ должным образом не регламентированы. На сегодняшний момент Гражданский кодекс РФ в действительности регулирует только один вид вещного права – право собственности. Значит, его положения не могут являться в качестве универсальных положений, которые возможно применить ко всем вещным правам. Право владения по своему существу является внешним выражением права собственности. В свою очередь владение и право на владельческую защиту признаются российской судебной практикой. Следовательно, институт владения должен быть помещен законодателем в Гражданский кодекс РФ. Этому должна была способствовать Концепция развития законодательства, которая также содержит положения об институте владения и обоснования необходимости их законодательного оформления. К сожалению предложения сделанные рабочей группой в Концепции развития законодательства не получили дальнейшего развития и поэтому судьба института о владении остается неясной.

Принимая во внимание вышесказанное, мы пришли к следующим результатам в нашей работе:

- установлено, что владение является фактом. Собственник, потеряв вещь, то есть, утратив реальное господство, не утрачивает право собственности на вещь. Напротив, с утратой *corpus* утрачивается владение вещью. Власть физическая над вещью длится, пока есть эта физическая связь. Владение предшествует праву собственности, выступает первоначальным законным основанием пользования

вещью с целью присвоения приносимых ей естественных плодов или доходов;

- продемонстрировано, что политико-правовое регулирование действующего законодательства подразумевает возникновение права владения только после физической передачи, завладения лицом вещью или таких ее атрибутов как ключи, технический паспорт и так далее;
- предложено дополнить Гражданский кодекс РФ следующей авторской формулировкой понятия права владения «Всякое фактическое обладание лицом вещи, полученное в результате волеизъявления этого лица и основанное на законе или соглашении сторон будет признаваться нахождением данной вещи во владении данного лица. Владению вещи может быть всегда противопоставлено право собственности. Владелец вещи и собственник вещи могут совпадать в одном лице, тогда вещь считается принадлежащей лицу на праве собственности»;
- установлено, что защита права владения на законодательном уровне не регламентирована. Отсутствие в действующем законодательстве порядка и регламентации защиты владения приводит к размыванию петиторной и посессорной защиты. Ст. 234 Гражданского кодекса РФ, направлена на защиту давностного владения и не распространяет свое действие на защиту добросовестного приобретателя. Владелец против собственника, если их отношения основаны на сделке, будет защищаться в рамках обязательственного права. Поэтому, в этом случае владелец против собственника не получит посессорной защиты;
- предложено авторское видение правовой конструкции владельческой защиты. Суть, которой заключается в том, что первоначально рассмотрение посессорного иска происходит в упрощенном порядке

- будет, если возникнет вопрос о праве, то суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства;
- установлено, что институт давностного владения недостаточно проработан в нормативном плане. Следствием этого является отсутствие единообразной правоприменительной практики по вопросу защиты давностного владельца. В связи с чем с нашей стороны выдвинуто предложение дополнить Гражданский кодекс РФ нормой права в соответствии с которой, положения ст.234 Гражданского кодекса РФ распространяются и на добросовестного приобретателя (ст.302 Гражданского кодекса РФ);
 - показано отсутствие единообразия в понимании объекта виндикации. В связи с чем с нашей стороны было предложено на законодательном уровне определить, объект виндикации, для чего дополнить Гражданский кодекс РФ ст.301.1 бланкетного характера, в соответствии с которой предметом виндикации может быть имущество, указанное в ст.607 Гражданского кодекса РФ;
 - продемонстрировано, что владение может защищаться как обязательственными, так и вещными исками. Определяющим моментом будет выступать вид гражданско-правовой связи между собственником и владельцем вещи. Неправильно выбранная форма защиты может являться следствием отказа в удовлетворении исковых требований.

Приступая к исследованию, мы выдвинули гипотезу: в гражданском праве России владение сформировалось как фактическое отношение владельца к вещи и защищается со стороны владельца различными способами защиты, включая в себя иски вещно-правового и обязательственного характера, а также самозащиту. Считаем, что в процессе работы нами планомерно и последовательно продемонстрированы доводы, обосновывающие наше научное предположение. Цели работы достигнуты.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андреев Ю.Н. О защите фактического владения // Цивилист, 2022. №4 (40) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.
2. Апелляционное определение Приморского краевого суда по делу №33а-6172/2022 от 13 июля 2022 года // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
5. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т.1: Ч. Общая. СПб., 1911. 780 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Гражданское право. Учебник в 4 т. И.А. Зенин и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. Т.1: Общая часть. 3-е издание, перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. 736 с.
10. Гражданское право. Учебник в 4 т. И.А. Зенин и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. Т.2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные

права. Личные неимущественные права. 3-е издание, перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. 496 с.

11. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. (Классика российской цивилистики). 2-е изд. М.: Статут, 2020. 414 с.

12. Дигесты Юстиниана. Книга 41 Титул 2 D. 41.2.1. титул I, II - пер. Д.В. Дождева; титулы III-X - пер. А.Д. Рудокваса URL: <https://rimpravo.ru/41-kniga-digest-iustiniana#2> (дата обращения 06.01.2025).

13. Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права. Часть первая // Вестник гражданского права. 2009. №4. // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

14. Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права. Часть вторая (Окончание) // Вестник гражданского права. 2010. №1 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

15. Дулаева Д.С. Владельческая (посессорная) защита в российском законодательстве // Власть закона. 2024. №1 (57). С. 219-227.

16. Иеринг Р. фон. Об основании защиты владения: пересмотр учения о владении/сочинение д-ра Рудольфа фон Иеринга; перевод с немецкого 2-го исправленного и дополненного издания. М.: типография А.И. Мамонтова и К, 1883. 179 с.

17. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.

18. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009// СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

19. Костина О.В., Комиссаров С.С. Понятие и правовая природа института владения: факт или право // Нотариус. 2023 №1. С. 24-27.

20. Климанова Д.Д. Понятие владения в гражданском праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т.76. №5 (198). С. 39-48.

21. Мальбин Д.А. Особенности определение воли юридических лиц на выбытие имущества из владения // Журнал Российского Права. 2024. Т.28. №8. С. 82-92.

22. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). (Классика российской цивилистики). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: «Статут», 2003. 831 с. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/45/> (дата обращения 06.01.2025).

23. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2015 по делу № 4-КГ15-17// СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

24. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу №88-3345/2022 (дело 2-2227/2021) от 26 апреля 2022 года // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

25. Папушина Е.И. Владение в англо-американском праве // Вестник гражданского права. 2018. №2. С. 267-291.

26. Познер Р.А. Рубежи теории права [Текст] пер. с англ. И.В. Кушнаревой; под ред.М.И. Одинцовой; Нац. исслед.ун-т» Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2020. 480 с.

27. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд., М.: Статут, 2020. 351 с.

28. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 сентября 2017 года по делу №А51-1181/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

29. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.12.2020 года по делу №А67-13778/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

30. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-232397/2022 от 13 декабря 2023 года // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

31. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 апреля 2019 года по делу №А57-11066/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

32. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 августа 2023 года по делу №А55-21597/2022 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

33. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 июля 2017 года по делу №А32-35047/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

34. Постановление Арбитражного суда Уральского округа №А50-22423/2018 от 07 мая 2019 года// СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

35. Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А60-4632/2022 от 06 октября 2022 года // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

36. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2020 №48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 № 10, Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 №23 «О применении судами правил о залоге вещей» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

41. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 07 декабря 2023 года по делу № А33-14413/2023 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

42. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2023 года по делу №А73-2647/2023 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/dUlanFS8GpZp> (дата обращения 06.01.2025).

43. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 26 сентября 2023 года по делу №А33-14413/2023 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc> (дата обращения 06.01.2025).

44. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13 ноября 2024 года по делу № А33-33497/2023 URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0849b785-01ab-47ea-bc8f-514a1ccf5c63> (дата обращения 06.01.2025).

45. Решение Арбитражного суда города Москвы 26 января 2023 года по делу №А40-131105/2022 URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/dd327aa4-9a52-4d3b-8e08-700f881adfbe> (дата обращения 06.01.2025).

46. Решение Арбитражного суда Оренбургской области по делу №А47-1550/2022 от 31.03.2023 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card> (дата обращения 06.01.2025).

47. Решение Арбитражного суда Пермского края от 23 октября 2018 года по делу №А50-22423/2018 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/B5UrOt1JDbJF> (дата обращения 06.01.2025).

48. Решение Арбитражного суда Пермского края от 12.09.2023 г. по делу №А50-18611/2023 URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc (дата обращения 06.01.2025).

49. Решение Арбитражного суда Томской от 05 июля 2024 года по делу №А67-1791/2023 URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/54b19566-7f5d-4b07-a4e5-21a17212fbd1> (дата обращения 06.01.2025).

50. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 23.05.2024 г. по делу А76-31729/2023 URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b2e79c67-18d2-44d5-8f7a-147d9e8b7a50> дата обращения 06.01.2025).

51. Решение Новоспасского районного суда Ульяновской области по делу №2-1-23/2024 от 17.01.2024 г. // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

52. Решение Рамонского районного суда Воронежской области по делу №2-110/2021 от 02.03.2021 г. <https://sudact.ru/regular/doc/0Y7DP3TDmzWg> (дата обращения 06.01.2025).

53. Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. проф. И.Б. Новицкого, проф. И.С. Перетерского. М.: Волтерс Клувер, 2010. 608 с.

54. Рыбалов А.О. Владение в российском праве: quo vadis? Вестник гражданского права, 2019. №5 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.

55. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ//
Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
56. Сеницын С.А. Владение и владельческая защита в гражданском
праве государств континентальной Европы. М.: Статут, 2012, 224 с. // СПС
«КонсультантПлюс». Дата обновления 06.01.2025.
57. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр.,
доп. М.: Статут, 2023. 894 с.
58. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. 2-е
изд., стер. М.: Статут, 2021. 560 с.
59. Толстой Ю.К. Понятие права собственности/Проблемы
гражданского и административного права: [сб. ст.]/Ленингр. гос. ун-т им.
А.А. Жданова; [отв. ред.: проф. Б.Б. Черепахин и др.]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
340 с.
60. Трепицын И.Н. Право собственности на движимые вещи:
избранные труды. Т.1. М.: Статут, 2022 (классика российской цивилистики).
370 с.
61. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от
02.10.2007 №229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.
2007. № 41. Ст. 4849.
62. Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и
огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные
законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 №217-ФЗ //
Собрание законодательства Российской Федерации. 2017 г. № 31 (часть I).
Ст. 4766.
63. Федеральный закон «О государственной регистрации
недвижимости» от 13.07.2015 №218-ФЗ // Собрание законодательства
Российской Федерации. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

64. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года №39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №17. Ст. 1918.

65. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 44. Ст. 5394.

66. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. М.: Статут, 2020 (классика российской цивилистики). 479 с.

67. Bridge M. *Personal Property Law*. 4th ed. Oxford University Press. 2015

68. Holmes O.W. (Jr). *The Common Law*//Little, Brown, and Company, 1881. 422 p.

69. Rose C.M. 1985, *Possession as the Origin of Property*, Univ. Chicago Law Rev., vol. 52, no.1. 73–88 p.

70. Thayer A.S. *The Idea of Possession* // Harward Law Review. 1904-1905. Vol. 18.

71. Wonnacott M. *Possession of Land*. Cambridge University Press. 2006.